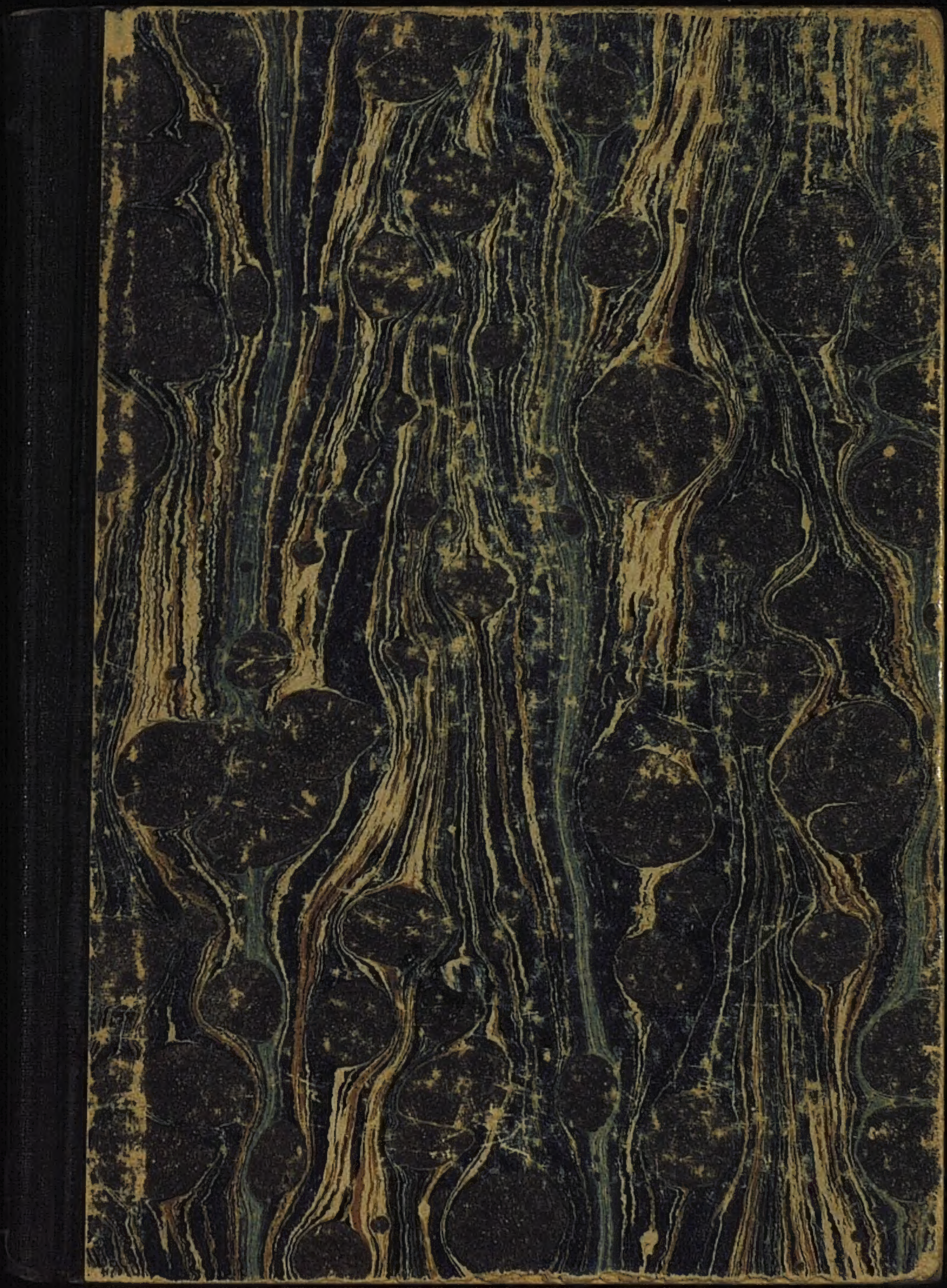


Акт № 3

Проверена-56 г.

Проверена-

Индекс	Ш Б		Шифр хранения
Авторский знак	З-А85-П		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Военмориздата. Зак. 1453—150000

1019 15 2008

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверено-85

ПРОВЕРЕНО - 06

Первая Книжная Лавочка въ Петербургѣ.

Дозволено Ценз. 24 Марта 1887 г.

Лит. Р. Голике С.П.Б. Троицкая д. 18-20

А. В. АРСЕНЬЕВЪ.

ПЕРВАЯ

КНИЖНАЯ ЛАВОЧКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

108131

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ТЕМНАГО ВРЕМЕНИ БОРЬБЫ ЗА ВѢРУ НА РУСИ.

„Confutatis maledictis,
Flammis acribus addictis,
Voca me cum benedictis!...“
(Missa-requiem).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина Д. Ѳ. ѲЕДОРОВА (сына).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Февраля 1887 года.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Разсказъ, въ беллетристической формѣ изображающій судьбу первой книжной лавочки въ Петербургѣ въ 1722 году, этотъ былъ представленъ на конкурсъ, объявленный въ 1879 году издателемъ журнала „Нева“ и, какъ *единственный* принятый, заслужилъ премію. Поэтъ, Яковъ Петровичъ Полонскій, бывшій судьею этого конкурса, отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о разсказѣ, который, по его словамъ, помимо беллетристическаго интереса, изобличаетъ въ авторѣ *глубокое историческое изученіе избраннаго предмета.*

Въ разсказѣ, дѣйствительно, всякая черта, цыфра и фактъ согласны съ лучшими изслѣдованіями той эпохи, частію печатными, частію добытыми самимъ авторомъ.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. День въ книжной лавкѣ.

	стран.
Михайло Васильевъ, «второй петербургскій книгопродавецъ» .	1
«Грыдорованныхъ дѣлъ мастеръ» Петръ Пикардъ.	23
Книжникъ Аввакумъ	31

II. Двѣ силы.

Люди древляго благочестія	47
Анаѳема	61
Въ неожиданной западнѣ	65
«Слово и дѣло Государево»	89
Заключеніе	109

I.

ДЕНЬ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

Михайло Васильевъ, „второй петербургскій книгопродавецъ“.

Раннимъ іюльскимъ утромъ черезъ глубокую грязь одной изъ улицъ вновь возникшаго города „Питербурха“ пробирался человѣкъ, довольно странно одѣтый. Поверхъ нѣмецкихъ чулковъ и башмаковъ съ пряжками, на ноги были одѣты валенки, подшитые по подошвѣ и носкамъ кожею; на камзолѣ нѣмецкаго покроя былъ накинутъ русскій кафтанъ, а на головѣ торчала шляпа страннаго нерусскаго фасона.

Человѣкъ этотъ назывался Михайломъ Васильевымъ и былъ прежде московскимъ мастеровымъ „ружейнаго дѣла разныхъ художествъ“; пробирался Михайло Васильевъ къ новому „гостинъ-двору“, построенному, какъ и многія зданія новорожденнаго города, „мазанковымъ“ способомъ. Въ этомъ гостиномъ дворѣ

находилась „типографская книжная лавка“, къ которой Михайло Васильевъ былъ приставленъ лавочникомъ для продажи всякихъ книгъ, артикуловъ, журналовъ, указовъ, „грыдорованныхъ куинтовъ“ (гравированныхъ картинъ) и географскихъ и навигацкихъ картъ, выходившихъ изъ печати съ петербургскаго печатнаго двора, московской, александро-невской и другихъ типографій.

Осторожно, то широкими, то мелкими шагами, переступалъ „второй петербургскій книгопродавецъ“ лужи и выбоины немощеной улицы, но вдругъ на самой серединѣ попалъ ногою въ глубокую яму съ липкою грязью, валенокъ застрялъ тамъ, а нога въ нѣмецкомъ башмакѣ выдернулась изъ валенка и чуть-было не попала въ грязь.

— Экъ размыло! ну ужь погодка здѣсь! — въ Москвѣ такой и не видывалъ! ворчалъ Михайло Васильевъ, стараясь удержаться на одной ногѣ, а другою снова попасть въ торчащій изъ грязи валенокъ.

Въ этотъ самый моментъ на улицу завернула коляска въ двѣ лошади цугомъ и понеслась прямо на Михайла Васильева. Кучеръ уже издали кричалъ завязшему, чтобы тотъ сошелъ съ дороги, но Васильевъ никакъ не могъ справиться со своимъ валенкомъ; кучеръ закричалъ громче и началъ сдерживать лошадей,

а сидѣвшій въ коляскѣ нѣмецкій полковникъ приподнялся, чтобы разглядѣть, что тамъ произошло. Наконецъ, книжнику удалось вытащить изъ грязи валенокъ, и онъ побрелъ дальше, но, доѣхавъ до этого мѣста, и коляска сразмаху увязла въ грязи такъ, что лошади еле-еле могли вытащить ее. Торопившійся куда-то полковникъ сердился и ругался.

— Vermaledeite Stadt!... Schweinen ist's blos hier zu leben!...

Другіе лавочники гостинаго двора, уже успѣвшіе отпереть лавочки, хохотали, глядя на происходившее, и Михайло Васильевъ былъ встрѣченъ общими шутками:

— Што, другъ! валенокъ-отъ, почитай, не носѣялъ!

— Прогулялся-бы, Миша, въ нѣмецкихъ-те чулкахъ, по православной грязцѣ!

— Да-а!... въ такое время безъ валенокъ и не выходи! отвѣчалъ Михайло Васильевъ на шутки и сталъ снимать замки и печати съ широкихъ дверей лавочки. Вмѣстѣ съ нимъ въ лавочку вошелъ и подручный его и оба, покрестясь на образа, принялись убирать и приводить въ порядокъ „первый книжный магазинъ въ Петербургѣ“.

Магазинъ этотъ былъ похожъ скорѣе на кладовую по своему убранству: на простыхъ полкахъ были сложены груды переплетенныхъ и непереплетенныхъ книгъ;

въ углахъ и на полу также были навалены книги и листы указовъ; подъ широкимъ прилавкомъ лежали „грыдорованные куниты“ и карты; на стѣнахъ висѣли „персоны“ (портреты) царя, Шереметева, изображенія кораблей, „галіота свѣйскаго“ и проч.

Торговалъ Михайло Васильевъ въ этой лавочкѣ уже давно, лѣтъ восемь, съ 1714 года, когда онъ, по протекціи цейхъ-директора Петербургской типографіи, Михаила Аврамова, заступилъ мѣсто прежняго лавочника, „тередорщика“ Василья Евдокимова, который можетъ быть названъ *„первымъ петербургскимъ книгопродавцемъ“*.

При вступленіи Михайла Васильева въ эту должность, дѣла лавочки были небольшія, и товару въ ней было немного: Михайло Васильевъ принялъ разныхъ книгъ и гравюръ на 862 рубля 28 алтынъ и 2 денги, какъ значится въ сдаточной описи 1715 года. Товаръ былъ все недорогой: одни только „морскія карты Варяжскаго моря“ въ бумажномъ переплетѣ стоили по 3 рубля за штуку, а все прочее было очень дешевой цѣны. Напримѣръ, указъ „о строеніи каменномъ“ стоилъ 2 денги, азбуки учебныя — 6 алтынъ, указъ, „дабы челобитчики самому царскому величеству челобитныя подавать не дерзали“ — 4 денги, „о кадетѣ“ — 2 денги и такъ далѣе. Недороги были

и картины: „Персона (портретъ) его царскаго величества“ — 10 и 15 алтынъ, 5 и 2 денги, „Персона Шереметева съ двухъ досокъ“ — 10 денегъ, „Питербурхъ на александрійской бумагѣ“ — 6 алтынъ, тоже *малый* — 5 денегъ, „Полтавская баталія“ — 5 денегъ, „Ингерманландская карта четырехъ досокъ“ — 6 алтынъ, „Страсти Господни, *разныхъ штикунтовъ*“ — 6 денегъ и т. д.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе семи лѣтъ, дѣла книжной лавки значительно развились и расширились. Каждая новая карта, куншта и книга, гдѣ бы ни была напечатана, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, поступала въ лавку, на „вольную продажу“, и тамъ можно было найти всѣ новости, указы, реляціи и артикулы; кромѣ того, каждый годъ выходилъ календарь.

На отвѣтственность Михайла Васильева за все это время было сдано печатнаго товара слишкомъ на *тридцать тысячъ* рублей.

Отвѣтственность лавочника была большая, а между тѣмъ онъ ничѣмъ не былъ гарантированъ отъ самовольныхъ заборовъ книгъ разными вельможами безъ денегъ, росписокъ и вообще какихъ-либо документовъ. Первые четыре года отъ Михайла Васильева принимали отчеты, но потомъ счетоводство и отчетность донельзя запутались и прекратились...

Окончивъ уборку лавки, Михайло Васильевъ съ подручнымъ принялись очищать мѣсто для новой книги, которую въ этотъ день должны были привезти изъ типографіи. Въ открытую дверь лавки заглянулъ сосѣдній купецъ и произнесъ:

— Помогай Богъ!... чай, для новой книжицы мѣсто очищаете?

— Подлинно такъ, отвѣчалъ, выпрямившись, Васильевъ,—сегодня пришлютъ книгу господина тайнаго совѣтника и барона Петра Шафирова о шведской войнѣ.

— Для чего-же гораздо большое мѣсто очищаете ей?

— А для того, что государевымъ повелѣніемъ много ея тиснуто: тысячъ двадцать новымъ тисненіемъ.

— Но-овымъ? Такъ и допрежде сего она тискалась?

— Тискалась пять лѣтъ тому назадъ, да вся разошлась.

— На какую же потребу столь великое множество ея опять выпущено?

— А книгу эту намѣреваются разсылать по всей Имперіи, дабы разсѣять ложные и прелестные слухи, распускаемые врагами царя о шведской войнѣ. Въ сей книжицѣ обстоятельная експликація дана обо всемъ, что до войны касается... да вотъ она и сама ѣдетъ, указалъ Васильевъ на приближающійся возъ съ книгами.

— Смотри не увязни! закричалъ онъ мужику; но мужикъ, часто возившій книги въ лавку, зналъ уже дорогу и по окраинѣ подъѣхалъ къ лавкѣ.

— Принимай, Михайло Васильичъ! сказалъ мужикъ, снявъ шапку и отирая потъ. Книгу начали всѣ втроемъ разгружать съ воза и складывать въ лавку, а сосѣдніе сидѣльцы гостинаго двора кучей собрались около воза и глядѣли на происходившее.

Разговаривавшій съ Васильевымъ купецъ взялъ съ прилавка экземпляръ только-что отпечатанной книги и началъ ее разсматривать и вертѣть во всѣ стороны. Это была довольно объемистая въ осьмушку книга, на переднемъ листкѣ ея было озаглавлено:

„Разсужденіе какіе законные прічіны его імператорское величество Петръ первый, Императоръ и самодержецъ всероссійскій. И протчая, и протчая, и протчая: къ начатію воіны противъ Короля Карола 12, Шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сіхъ обоіхъ потентатовъ, во время сея пребывающея воіны, болѣе умѣренности и склонности пріміренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь великімъ разлітіемъ крови хрістіянскои, и разореніемъ многіхъ земель віновенъ;“... *) и проч.

---

*) Правописаніе подлинника.

Набравшіеся въ лавку сидѣльцы окружили купца, читавшаго заглавіе книги, и внимательно слушали.

— Обстоятельная, я чаю, книжица? сказалъ купецъ, прочитавъ, наконецъ, длинное заглавіе книги.

— Обстоятельная, Прохоръ Кузьмичъ, обстоятельная! отозвался лавочникъ,—ты сдѣлай починъ. Нынѣ ты со шведской войны въ изрядныхъ прибыткахъ, сдавши большія партіи нѣмецкихъ цвѣтныхъ суконъ для войска государева.

— А какая цѣна книги? спросилъ купецъ, снова разглядывая книгу.

— Цѣна небольшая: десять алтынъ всего! отвѣтилъ Васильевъ.

— Ну, инъ сдѣлаю починъ книжицѣ, рѣшился купецъ и пошелъ въ свою лавку за деньгами.

— Миша! не продавай Кузьмичу книгу — у него рука тяжелая: какъ клиномъ заколотитъ книжицу, вся сгніетъ въ лавкѣ! спутилъ одинъ изъ торговцевъ вслѣдъ купцу. Всѣ разсмѣялись.

— Ничего! скоро разойдется, какъ почнутъ разсылать по Имперіи, отвѣчалъ лавочникъ, — а коли залежится, такъ мы и на оружейный дворъ, въ амбаръ сложимъ.

— Это опять вмѣстѣ съ конопляным масломъ?

намекнулъ одинъ изъ сидѣльцевъ, и всѣ снова разсмѣялись.

— Нѣтъ, теперь конопляное масло далеко отъ книгъ, отвѣтилъ Васильевъ, тоже смѣясь намеку.

— А и надѣлало же хлопотъ это конопляное масло!

Васильевъ говорилъ о наводненіи, бывшемъ въ 1721 году, когда книжную кладовую на оружейномъ дворѣ залило водой совершенно и испортило почти весь книжный товаръ.

— Слышу — требуютъ меня въ кладовую, продолжалъ Михайло Васильевъ,— а я ужь чувствую бѣду, кое-какъ добрался до кладовой, гляжу — а тамъ каша!... какъ есть каша въ амбарѣ-то!.., Кои были пачки связаны, тѣ подъ водой, а разсыпанныя книжицы плаваютъ, растрепавшися, по водѣ вмѣстѣ съ разбитыми бутылями, баклагами и бочепками, а поверхъ воды масло всплыло — не видать и воды — почитай, все масломъ залито!... Сидѣльцы хохотали при этомъ разсказѣ.

— Настоящая каша! — и зѣло масляная! вставилъ замѣчаніе кто-то.

— Одначе, моей вины тутъ нѣтъ! заключилъ разсказъ о наводненіи Михайло,— я многажды докладывалъ по начальству, что маслу вмѣстѣ съ книгами быть не подобаетъ, но моего совѣта во вниманіе не

взяли, говоря, что за неимѣніемъ мѣста — и такъ ладно.

— И много, я чаю, изубытчались отъ наводненія? полюбопытствовалъ одинъ изъ слушателей.

— Да, таки изрядно: на тысячу двѣсти пять рублей съ копѣйками пропало книгъ и куншитовъ; кое-что и спасли, иное просушили, да и опять въ продажу пошло... Немало было работы!...

На курантахъ Петропавловской крѣпости колокола затѣйливо прозвонили восемь часовъ.

— Пора и за дѣло—день начинается, проговорили нѣкоторые изъ сидѣльцевъ, и скоро вся компанія разошлась изъ книжной лавочки по своимъ.

На улицѣ началось уже движеніе, появились экипажи, люди въ камзолахъ нѣмецкаго покроя и трехугольныхъ шляпахъ. Яркое солнце освѣщало улицу и быстро сушило грязь, произшедшую отъ дождя, не перестававшаго всю предыдущую ночь.

Вдоль гостинаго двора медленно подвигалась важная фигура какого-то княжескаго лакея въ камзолѣ, и, не обращая вниманія на вопросы торговцевъ: „Что покупаете?“ завернула въ книжную лавку.

Михайло Васильевъ сразу узналъ въ немъ лакея отъ князя Львова.

— Его княжеская свѣтлость, важно началъ слуга,—

приказалъ тебѣ немедленно отпустить книги по сей бумагѣ. И лакей подалъ списокъ.

Лавочникъ взялъ бумагу и прочелъ:

„Історіа въ неі-же *) пішетъ о разореніі града Троі Фрігіскаго царства і о созданіі его, і о великіхъ ополчітелныхъ бранехъ, како ратовашася о неі царіе і князі вселенныя, і чего раді толіко і таковое царство троянскіхъ державцовъ низвержеся, і въ нолѣ запустѣнія положіся всеконечнымъ запустѣніемъ. І которые накі царіе і князі ратоваша оную, і коі ополчахуся за ню, і коліко время браняхуся, і кто отъ ніхъ на брані паде, і коімъ оружіемъ і чьімъ пораженіемъ, вся сія здѣ подробно описуются. Писаша же ю перво історіцы, Дітъ грекъ, і фрігіі Дарій, істінніі свідѣтелі ополченіемъ троянскімъ, зане оні самі бяху на бранехъ спісателі і самовідцы бывшему въ сложеніі дѣлъ своіхъ, сего раді право і написаша ю. Потомъ же въ различныя времена Оміръ, Віргілій и Овідій соломенскіі каждо іхъ написаша ю, но не истінно, многія бо въ ніхъ несогласія і басні обрѣтошася, наіначе же Овидіі соломенскіі баснословно сѣло написа, ібо введе богі, іхъ же почіташе древнее эллінство, помогающія грекомъ воюющімъ троянъ, і съ німі быв-

*) Выписывается полное заглавіе книги по чрезвычайной его характеристичности.

шія на брані яко жівыя человѣкі, і іная многая тамо баснословіша. А сія істінная і правая історія Дітомъ грекомъ напісанная“.—Три книжицы.

„Апофеегмата, то есть кратківъ вітіеватыхъ и правоучітелныхъ рѣчей. Книги три“.—Пять штукъ.

И есче одну книгу:

„Політіколѣпная Апоесесіс достохвальныя храбрості всероссііскаго геркулеса, пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго, Богомъ вѣнчаннаго и проч. Петра Алексіевича... императора і автократора“...

— А деньги присланы за книги? спросилъ Михайло Васильевъ, дочитавъ списокъ.

— Какихъ еще денегъ? Никакихъ денегъ нѣтъ! А велѣно только тебѣ сказать, что ежели ты будешь, какъ и въ прошлый разъ, упорства чинить и книгъ не давать, то ждать тебѣ батоговъ сугубыхъ, отвѣтилъ лакей.

— Ну, нѣтъ! Руки коротки для батоговъ-то! обидѣлся Васильевъ. — Я служу государеву дѣлу скоро восемь лѣтъ со всякимъ тщаніемъ и честностію, и никакой вины за мной не стоитъ... а твой князь Львовъ надо мною не властенъ!... Пусть онъ лупитъ батогами своихъ холоповъ дурныхъ и необычливыхъ, а не слугъ государевыхъ! продолжалъ раскраснѣвшійся Михайло и возвратилъ списокъ холопу.—Книгъ я не дамъ!... Я

уже докладывалъ объ этомъ отцу архимандриту Гавріилу Бужинскому, протектору типографіи, и онъ не велѣлъ мнѣ отпускать книгъ безъ денегъ или безъ его именного требованія за приложеніемъ руки. Почитай на пять тысячъ рублей роздано книгъ — и невѣдомо, съ кого деньги получать... а отъ этого казнѣ большія протори чинятся!...

— А-а! Добро, добро!... завопилъ холопъ,—такъ-то ты почитаешь его княжескую свѣтлость!... Въ казенныхъ проторяхъ уличаешь, казнокрадомъ обзываешь!... Добро!—И, схвативъ списокъ, быстро удалился изъ лавки, воя по дорогѣ:—сей-же часъ донесу его свѣтлости!... Будешь ты въ колодкахъ сидѣть!... Будешь батогами битъ!... Погоди, погоди! грозилъ уже издали княжескій холопъ.

Сидѣльцы вышли изъ лавокъ на крикъ и, увидя удаляющагося съ ругательствами холопа, засвистали ему вслѣдъ и начали напускать собакъ; холопъ отмахивался, быстро удаляясь и грозя по направленію къ лавкамъ.

— Ступай, себѣ, холуй безстудный, говорилъ въ догонку Михайло Васильевъ, сильно поблѣдиѣвшій отъ такого оборота дѣла,— моей правоты свидѣтель есть... Петръ! обратился онъ къ подручному, ты слышалъ, *что* я говорилъ? Ты не откажешься сего богопротив-

наго холопа во лжи уличить, коли дѣло дойдетъ до позва?

— Хоть крестное цѣлованіе приму, Михайло Васильевичъ, отвѣчалъ подручный, — въ томъ, что это сущая небылица, и что онъ по холопской злобѣ обноситъ тебя небывалыми рѣчьми!

Михайло сѣлъ и задумался. Угроза холопа сильно его испугала. Какъ ни увѣренъ онъ былъ въ своей правотѣ, однако борьба простого лавочника съ княземъ была въ тѣ времена весьма не равна и рискованна для перваго. Васильевъ уже видѣлъ свою погибель. Даже если-бы клевета холопа и не была принята во вниманіе или отвергнута свидѣтелемъ, — то и тогда князь, обиженный отказомъ въ книгахъ, постарается какъ-нибудь отмстить незначительному лавочнику, дерзнувшему не исполнить его воли. И тысячи способовъ представлялись князю для этой мести, а у лавочника было только одно собственное сознаніе правоты и свидѣтель, столь-же ничтожный, какъ и онъ самъ...

„Грыдорованныхъ дѣлъ мастеръ“ Петеръ Пикардъ.

Изъ задумчивости вывелъ Михайла Васильева вошедшій въ лавку послушникъ изъ Александро-Невской типографіи. Широко перекрестясь на образа и отвѣсивъ глубокій поклонъ, послушникъ звучнымъ теноромъ произнесъ:

— Миръ дому сему! Посланъ я къ твоему благочестію отъ справщика нашей друкарни (типографіи) Степана Рудина за книгою, рекомою: „Первое ученіе отрокомъ, внемже буквы и слоги“, составленною владыкою Феофаномъ Прокоповичемъ. Понадобилось, не вѣдаю что, напослѣдяхъ выправить въ сей книжицѣ, а изрядный и полный экземпляръ оной въ друкарнѣ утраченъ.

— А скоро вы выпустите изъ друка сей букварь? спросилъ Васильевъ, подавая послушнику просимую книгу.

— Съ благословеніемъ Божіимъ черезъ недѣлю выпустимъ, отвѣтилъ послушникъ и, снова помолясь и низко раскланявшись, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ въ лавкѣ появился какой-то иностранный шкиперъ въ сопровожденіи засаленнаго кочегара и, внимательно осмотрѣвъ висящія на стѣнахъ карты и куншты, обратился къ лавочнику по-нѣмецки:

— Was für neue Schiffskarten haben sie?

Васильевъ не понялъ и замялся.

— Какъ-съ? Я не понялъ, нельзя-ли по-русски?

Нѣмцы въ свою очередь замялись и переглянулись.

— Морской! Schiff! началъ объяснять нѣмецъ, тыкая пальцемъ.

Васильевъ, думая, что спрашиваютъ морскую книгу, вытащилъ „Алярдово новое голландское корабельное строеніе, глашающее совершенное чиненіе корабля, со всѣми его внѣшнімі частямі“.

Нѣмецъ перелистовалъ и оттолкнулъ.

— Nein! Schiffkarten!

Лавочникъ подалъ еще: „Повѣренные воинскіе правила, како непріятельскіе крѣпости силою брати“, но и эту книгу нѣмецъ отвергъ, неглядя.

Затрудненіе было обоюдное, но тутъ выручилъ изъ бѣды вошедшій въ лавку главный „грыдорованнаго дѣла мастеръ“, Петеръ Пикардъ.

Онъ объяснился со шкипером и сказалъ, что шкиперу требуется морская карта; такой въ лавкѣ не оказалось и шкиперу указали сходить въ „академію санктпетербургскую“ (такъ тогда называлась морская академія); но когда шкиперъ сталъ говорить, что ему это трудно, такъ какъ онъ не знаетъ ни русскаго языка, ни дороги, то предупредительный Васильевъ вызвался самъ достать ее. Шкиперъ ушелъ.

— Уффъ! вздохнулъ Пикардъ, тяжело опускаясь на скамейку, — всу ношь проработаль, таперъ погуляйтъ пашоль!

— А что, Петра Карлычъ, работы много? спросилъ Михайло Васильевъ.

— Многа! Ошень многа — вотъ! И Пикардъ провелъ рукою по горлу, усиливъ этимъ жестомъ смыслъ своихъ словъ.

— Артиллерически фигуръ, карте фонъ Азіенъ, и... многа, многа работа есть! Чуть-чуть носнѣешь!... Чуть не въ шея толкайтъ — скарэй, скарэй, скарэй! продолжалъ разсказывать граверъ, сильно жестикулируя.

— Да-съ! Это воистину!... У нашего царя не поспишь! потвердилъ Васильевъ.

— Теперь ишо! И Пикардъ полѣзъ въ карманъ за какою-то бумагой, вынувъ которую, подалъ Михайлу Васильеву.

— Шитайтъ пожальста!

Это была копія съ указа Петра Великаго, чтобы ѣхать Пикарду въ Петергофъ и Стрѣльну „срисовать огороды и парки каждой, а также и каждую фонтанну и прочія хорошія мѣста въ преспективъ, какъ французскіе и римскіе чертятся, и велѣть Пикарду, чтобы дѣлалъ печатныя доски“.

— Вотъ видитъ! Ишо въ Петерхофъ ѣхайтъ!... Сдэсь не снай, какъ посѣвай, а тутъ и въ Петерхофъ поѣжай!... Нѣтъ, я не поѣду, што хошъ дэлай, не поѣду!... Такъ царь велитъ!... И артиллери-фигуренъ—царь велитъ!... И Азіятише-карте—царь велитъ! Всо царь велитъ!... А мнѣ не лопайтъ на двое, я не могу!...

И Пикардъ замолчалъ, опустивъ голову на грудь; Васильевъ тоже молчалъ.

Петеръ Пикардъ былъ однимъ изъ лучшихъ и усерднѣйшихъ слугъ Петра Великаго, выбранныхъ имъ самимъ во время его пребыванія въ Амстердамѣ. Царь

познакомился съ Пикардомъ лично въ этомъ городѣ, и его проницательный глазъ сразу увидѣлъ, что такой работникъ какъ нельзя болѣе нуженъ ему въ его новомъ дѣлѣ. Привлекательныя умственныя и нравственныя качества Никарда привязали Петра къ нему, и царь, по свидѣтельству историковъ, обращался съ нимъ, какъ съ другомъ. Но и Петръ Великій имѣлъ въ себѣ что-то очаровывающее всѣхъ, на комъ останавливался его взоръ со вниманіемъ и дружелюбіемъ. Царь владѣлъ секретомъ страстно привязывать къ себѣ людей, такъ что потомъ они становились самыми ревностными и самоотверженными его слугами и сотрудниками. Такимъ именно образомъ привлекъ къ себѣ царь и Пикарда. Пикардъ не только переѣхалъ въ Россію, но и оставался въ ней до глубокой старости, далеко пережившъ своего царственнаго друга и повелителя. Отличный граверъ и художникъ, Пикардъ уже въ Амстердамѣ началъ работать для царя, а въ началѣ 1700-хъ годовъ переѣхалъ въ Москву, въ типографію. Вновь преобразованная типографія работала съ лихорадочною поспѣшностью, изо всѣхъ своихъ слабыхъ силъ, подгоняемая мощною рукою царя. Переводомъ и печатаніемъ книгъ Петръ завѣдывалъ *лично самъ*, и графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ только слѣпымъ и едва поспѣвающимъ исполнителемъ его при-

казаній, совѣтовъ и замѣчаній. Какъ вѣрны слова поэта о Петрѣ:

То земледѣлецъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ —
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!...

Даже такая мелочь, какъ переплетаніе книгъ, не ускользала отъ вниманія Петра, и въ 1709 году онъ писалъ Мусину-Пушкину изъ Сулвы: „Нынѣшней присылки переплетъ очень дуренъ, а паче всего дуренъ отъ того, что въ коренѣ гораздо узко вяжетъ, отчего книги таращатся и надлежитъ гораздо слабко и просторно въ коренѣ дѣлать, такожъ и въ куюрштихереѣ знать, что свершено не гораздо чисто“.

Со времени переѣзда Пикарда въ Россію, его неутомимый грабштихель работалъ съ невѣроятной быстротою, и изъ-подъ него вышло огромное количество всевозможныхъ чертежей, картинъ, картъ и фигуръ.

Надо было обладать голландскимъ упорствомъ въ трудѣ и необыкновенною любовью къ дѣлу и къ своему царственному заказчику, чтобы работать такъ, какъ работалъ Пикардъ. Помощниками ему въ этомъ дѣлѣ были русскіе ученики—Томиловъ, Зубовы и Бунинъ. Изъ нихъ Томиловъ и Зубовы учились прежде у голландскаго гравера Адріана Шхонебека, также при-

глашеннаго Петромъ изъ-за границы еще раньше Пикарда и умершаго въ 1714 году. Шхонебекъ былъ тоже замѣчательный граверъ и много образцовъ его работы хранится и до сихъ поръ въ Публичной библіотекѣ и Эрмитажѣ. Но какъ ни хорошо были подготовлены нѣкоторые изъ его учениковъ, — все-таки на Пикардѣ лежала бо̀льшая и труднѣйшая часть работы...

— Ну и што, какъ твоя Авдотья?... Здоровъ? прервалъ молчаніе Пикардъ.

— Жена-то? Здорова, что ей дѣется! отвѣтилъ весело Михайло.

— А красивый зеньшинъ!... Я портретъ буду снимайтъ, шутилъ Пикардъ.

Михайло Васильевъ ухмылялся.

— А что я вамъ хочу сказать, Петра Карлычъ, обратился къ нему Михайло, — есть у меня племянникъ въ Москвѣ, такой шустрый мальчуганъ и до рисованья зѣло охочь...

— Ну! И што?

— Такъ я бы всепижайше попросилъ васъ какъ нибудь опредѣлить его въ грыдоровщики, подъ вашу науку—зѣло малецъ охотится къ сему художеству.— Михайло поклонился.

— Давай его сюда! Мнѣ ученикъ нуженъ... Племенникъ!... Ты сынъ давай, сынъ имѣешь?

— Есть, да малъ еще, отвѣтилъ, улыбаясь, Михайло, — ни въ какую науку не годится еще, всего третій годокъ пошелъ!...

— Н-ну, не дашь сынъ — давай племенникъ, — карашо выучу! Будетъ первый мейстеръ... Я тебе люблю, Васильевъ! говорилъ Никардъ, вставая и собираясь уходить.

— Зѣло благодаренъ вамъ, Петра Карлычъ, а я не чаялъ, что вы примете... Малецъ-то склонный къ художеству, благодарю васъ!

— Зашѣмъ не принимай? Я приму, — помру, на мое мѣсто пойдетъ, присылай племенника — выучу! И съ этими словами Никардъ вышелъ изъ лавки и направился въ свою мастерскую, гдѣ ждала его куча работы...

Книжникъ Аввакумъ.

День уже приближался къ вечеру; дѣятельность „гостинъ-двора“ стала утихать, и съ первыми сумерками торговцы готовились покинуть его. По направленію къ гостиному двору медленно брелъ, согнувшись и опираясь на палку, старикъ, похожій на странника. Пока онъ шелъ по глухой и почти лишенной домовъ улицѣ, въ рукѣ его находилась лѣстовка, которую онъ перебиралъ пальцами и нашептывалъ молитвы. Но едва только онъ вышелъ на людное мѣсто, какъ лѣстовка пропала, а съ лица сошло благочестиво-созерцательное выраженіе. Старикъ направился къ книжной лавкѣ, не входя въ нее, осѣнилъ себя двуперстнымъ раскольничьимъ крестомъ, и затѣмъ вошелъ и сбросилъ у дверей

на полъ бывшую на спинѣ котомку, а посохъ поставилъ въ уголъ.

— А-а! дѣдушка Аввакумъ, здравствуй! привѣтствовалъ его лавочникъ,—чего ради такъ долго отсутствовалъ?

— Здравы будьте, люди божьи! отвѣчалъ Аввакумъ,—по дѣламъ, Михайло Васильичъ, по дѣламъ... почитай, всю амперію объѣздилъ за это время... И Аввакумъ опустился на лавку.

— Я чаю, мѣсяцевъ шесть не видались? сказалъ Михайло.

— Слишкомъ семь, божій человѣкъ, слишкомъ семь! О Рождествѣ я былъ здѣсь у васъ. да вотъ до сихъ поръ все милостью Пречистой и влачусь, аки червь недостойный...

— Все раскольницкими книгами маклачишь? съ разстригами, какъ самъ, водишься?

Аввакумъ закашлялся.

— Почто, божій человѣкъ, обносить людей лжею и поношеніемъ? Я торгую съ его царскаго позволенія, и что выходитъ въ пищу духовную съ благословенія патріарха, то я и развожу со всякимъ благочестіемъ на спасеніе души.

— Я пошутилъ, а ты и во гнѣвъ пріемлешь, сказалъ Михайло и спросилъ:

— За книжицами что-ль пріѣхалъ?

— За ними самыми, божій человѣкъ, а такожде указы его величества и синода, кои есть новые, заберу.

— Знатно, я чаю, торгуешь? спросилъ Васильевъ,— тысячами ворочаешь?

— Гдѣ намъ, нищимъ, сравняться съ государевою лавкой! еле на хлѣбъ добываемъ... а здѣсь какъ дѣла?

— Охъ, здѣсь дѣла! вздохнулъ Васильевъ,—почитай, никакихъ нѣтъ. Толь мало денегъ выручаемъ, что ежели бы не довѣріе начальствующихъ, то и до сумлѣнія въ татьбѣ дошло бы... Паче же всего то прискорбно, что книги и отчетныя записи за прошлые года пропали въ наводненіе, и нечѣмъ мнѣ оправдаться предъ царемъ...

— Никто, какъ Богъ! отвѣтилъ Аввакумъ.

— Изъ Москвы, я чаю, все забралъ? спросилъ лавочникъ.

— Нѣту-ти, божій человѣкъ!—совсѣмъ не прилучилось въ Москвѣ богоспасаемой побывать... „Регламенту духовнаго“ тако-жъ потребно мнѣ.

— Есть. Нынѣ онъ уже новымъ выпускомъ вышелъ, съ добавленіемъ, недавно... Значитъ, ты и указовъ, что изъ Московской печатни, не имѣешь?

Дозволено цензурою 24 марта 1907 г.

— Не имѣю, Михайло Васильичъ, ничего не имѣю, ты вотъ снабди меня ими, указами-то.

— Изволь подождать, а я соберу... Разсказывай, Аввакумъ, что есть новаго на Руси.

— Охъ, много на Руси православной неустройства и смятеніе веліе! послѣднихъ дней ждутъ!...

— А паче всѣхъ, кто смуты разводитъ и объ Антихристѣ баснословитъ? оживился Михайло Васильевъ,— раскольники!... Зѣло закоснѣли они въ невѣжествѣ и хулы слетаютъ на царя, что хочетъ просвѣтить мракъ и необразованіе на Руси.

— Старые люди говорятъ — имъ свыше открывается.

— Ужь не старый ли человѣкъ, воръ Гришка Талицкій, что объ антихристѣ доски знаменовалъ? ужъ не свыше ли было открыто полоумному Левину—капитану, что наглымъ и нелѣпымъ обычаемъ залѣзъ въ Пензѣ на крышу и бусловилъ о пришествіи Антихриста во образѣ царя Петра?... Закоснѣніе!... горячился Михайло Васильевъ, ярый противникъ всего раскольничьяго. Глаза Аввакума загорѣлись подъ сѣдыми бровями, но онъ скрылъ это, а рука, засунутая за пазуху, перебирала лѣствовку.

— А слышалъ, Аввакумъ, снова началъ Михайло,— что у насъ въ Петербургѣ скоро будетъ?

— А что? встрепенулся Аввакумъ, какъ бы выведенный изъ задумчивости и быстро оборачиваясь къ лавочнику.

— Слышалъ, говорю, о томъ, что будутъ здѣсь предавать анаоемѣ раскольниковъ, что подметныя письма писали къ царю, яко бы честная „Правда воли монаршей“ *) сущая ложь и сплетенія „неостриженаго попа“ — такъ бусловы поносятъ владыку Феофана (Прокоповича).

— Нѣтъ, не слыхалъ, не сподобился; повѣдай, друже, какъ и когда это будетъ? И глаза Аввакума загорѣлись подъ густыми бровями.

— А будетъ это въ десятый день сего іюня, въ церкви св. Троицы, съ великимъ торжествомъ... Будутъ поносить враговъ-раскольниковъ.

— Охъ, охъ, согрѣшихомъ предъ Богомъ! вздыхалъ Аввакумъ,—охъ, дѣла Божьи—судъ царевъ!...

— Нѣтъ, не Божьи это дѣла, а анаоемскія—хулы писать на царя! прервалъ Михайло Васильевъ.

— Все попущеніемъ Божіимъ!... Безъ воли Божіей власъ съ главы не падетъ.

---

[1]) «Правда воли монаршей» утверждала право Петра Великаго лишить царевича Алексѣя престолонаслѣдія и объясняла дѣло о немъ.

Дозволено Цензурою 24 Марта 1887 г.

— Нынѣ святѣйшій синодъ издалъ указъ, вотъ сей: „Всероссійскія православныя церкви сыновомъ радоватися о Господѣ“, въ коемъ отечески призываетъ раскольниковъ на безопасное разглагольствіе о дѣлахъ вѣры, дабы прикладами отъ Писанія и кроткимъ увѣщаніемъ наставить ихъ на путь истины; также и о ворѣ Талицкомъ тутъ сказано.

— Дай сюда и сей указъ.

— Вотъ еще: „О кощунственной продажѣ якобы чудотворнаго меда и масла въ Чудовѣ монастырѣ и церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ“ и еще сей: „О нелѣпомъ обычаѣ обвѣшивать иконы“ разными вещами и деньгами, на коихъ ниъ разъ начертанъ ликъ иноземный, нехристіанскій, и надписаніе на языкѣ незнаемомъ.

— Всѣ, всѣ клади! говорилъ Аввакумъ глухимъ голосомъ.

— Да, принялся теперь правительствующій синедріонъ за искорененіе ереси, продолжалъ Васильевъ,— и съ Божьею помощью сломитъ упорство заблуждающихся. Сколь злостно уклонялась отъ закона Кіево-печерская типографія и, несмотря на увѣщанія, продолжала на книгахъ, ею издаваемыхъ безъ просмотра и разрѣшенія, означать себя *ставропигіею константинопольскаго патріарха*, но теперь приведена нако-

нецъ къ тому, что покорилась синоду и пишетъ себя ставрошигіею *патріарха всероссійскаго*, а всѣ печатаемыя ею книги свѣряются и подписуются въ синодѣ. Скоро мы получимъ оттуда „Дѣянія Апостольскія“, напечатанныя вполнѣ согласно съ общеупотребляемыми и исправленными, безо всякой ереси.

— Богъ—судія нелицемѣрный между злыми и добрыми слугами его, отвѣчалъ неопредѣленно Аввакумъ,— а что слышно о Черниговской печатнѣ? спросилъ онъ.

— Отъ сей также никакихъ извѣстій, почитай, два года нѣтъ... и здѣсь въ большое на нее подозрѣніе вошли.

— Отецъ Гавріилъ что предпринимаетъ?

— Архимандритъ Гавріилъ Бужинскій желаетъ пресѣчь это упорство еритическое,ославъ нарочнаго въ Черниговъ, чтобы онъ забралъ всю тамошнюю друкарню и привезъ ее сюда, а на завѣдующаго ею наложатъ пеню въ тысячу рублей...

— Ты, Господи, вѣси дѣла земныя!... Я чаю—не быть этому! усумнился Аввакумъ.

— Да не быть и тому, чтобы сіи отщепенцы невозбранно распускали лжетолки и непокорство властямъ! возразилъ Михайло Васильевъ.—Это уже рѣшено: только ждутъ времени, чтобы накрыть сразу.

Дозволено Ценз. 24 Марта 1887 г.

— Слуги Божіи! промолвилъ Аввакумъ, — кое гоненіе воздвигаете другъ на друга! Чего ради угнетаете другъ друга!

— Нѣтъ, это не слуги Божіи, а мздолюбцы, что о земныхъ благахъ некутся больше, чѣмъ о Богѣ... Какое благочестіе показало львовское братство? Чѣмъ была поколеблена у нихъ вѣра православная? Ради чего оно впало въ папежскую прелесть и приняло унію въ 1708 году?... Ради корысти, ради денежнаго прибытка! разгорячился Михайло Васильевъ.—Оно до тѣхъ поръ было вѣрно православію, покуда въ уніатскомъ Георгіевскомъ монастырѣ не открыли типографію и не стали, на перебой имъ, печатать „Ирмолога“ и другихъ книгъ, которыя набивали кису братскую деньгами. Оно съ тѣмъ условіемъ и перешло въ унію, чтобы уніатская типографія была закрыта...

— Вѣропродавцы! промолвилъ Аввакумъ.

— Да не лучше ихъ и раскольники—тоже мздолюбіе...

Аввакумъ быстро, нервно поднялся и прервалъ:

— Книжицы-то я заберу теперь, а за календаремъ зайду послѣ, когда поѣду съ товаромъ...

Аввакумъ разсчитался и уложилъ цѣлый ворохъ указовъ въ свою котомку и, вскинувъ ее на плечи, побрелъ изъ лавки.

Сумерки уже наступали, и Михайло Васильевъ сталъ собираться запирать лавку и идти домой.

На всѣ стороны энергично отплюнулся Аввакумъ, едва только отошелъ подальше и въ безлюдное мѣсто.

— Погоди, никоньщина проклятая, царство антихристово! злобно потрясалъ онъ кулакомъ въ воздухѣ,— перерветъ твое алчное горло возставшее древлее благочестіе!... Ты думаешь, задавила насъ, предавая пыткамъ и казни?!... Нѣтъ! Огненное и кровавое крещеніе пріемля, мы внидемъ въ рай Исусовъ... Возросшіе въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, дѣти наши, если не мы, сломятъ твою гордыню и сметутъ всѣ новшества поганыхъ нѣмцевъ... И ты, Мишка, слуга антихристовъ! Восплачешь о своей злобѣ на насъ и поношеніи! Дыба и колодки на семъ свѣтѣ и Веельзевулово лоно—на томъ ждутъ тебя, Мишка-никоньщикъ!...

Сумерки сгущались, Аввакумъ бодро шелъ по едва намѣченнымъ улицамъ и скоро совсѣмъ вышелъ за черту города; по обѣимъ сторонамъ гати изъ хвороста возвышались густыми рядами вѣковыя сосны.

Книжникъ Аввакумъ былъ яростный старовѣръ и ненавистникъ никоньщины и реформъ. Его торговля книгами была лишь маской, средствомъ отклонять подозрѣнія, ибо въ дѣйствительности онъ былъ дѣятельнымъ пропагандистомъ, посредникомъ и шпіономъ всѣхъ

Дозволено Ценз 24 Марта 1887 г.

враговъ новаго и приверженцевъ стараго, допетровскаго порядка и „древляго благочестія“. Если онъ и исполнялъ нѣкоторыя порученія по закупкѣ книгъ новыхъ, то для того только, чтобы оправдать въ глазахъ подозрительныхъ людей свою профессію *книжника*. Главнымъ же образомъ онъ снабжалъ своихъ единомышленниковъ книгами старыми, печатанными по *дониконовскимъ* образцамъ въ типографіяхъ: Кіевопечерской, Черниговской и Могилевской, а также писанными.

Свою, преслѣдуемую закономъ, торговлю онъ умѣлъ ловко маскировать, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ, причемъ подкупъ игралъ немаловажную роль, для чего Аввакумъ имѣлъ солидныя деньги, ассигнуемыя богачами — ревнителями древляго благочестія. Его постоянные разъѣзды по разнымъ мѣстамъ давали ему возможность всюду и вездѣ узнавать своевременно всякія новости и приключенія, и, въ случаѣ нужды, Аввакумъ извѣщалъ и предупреждалъ кого слѣдуетъ изъ людей своей партіи о грозящихъ имъ бѣдахъ, наѣздахъ и „выемкахъ“.

Поѣздки въ Петербургъ предпринимались имъ довольно часто: тамъ онъ ухитрялся подробно узнавать обо всѣхъ намѣреніяхъ правительства относительно раскольниковъ, собиралъ всѣ нужныя свѣдѣнія, и затѣмъ это становилось извѣстнымъ по всѣмъ монасты-

рямъ, пустынямъ и скитамъ, словомъ, вездѣ, гдѣ это знать было необходимо. Благодаря Аввакуму, многія тысячи запрещенныхъ богослужебныхъ книгъ были спасены и доставлены, куда слѣдуетъ, а многіе внезапные наѣзды „синодскихъ“ людей на монастыри и скиты оказывались безрезультатными, а все подлежавшее аресту или сожженію самымъ невѣроятнымъ образомъ исчезало, несмотря на то, что, кажется, были приняты всѣ мѣры для сохраненія наѣзда втайнѣ.

Въ Петербургѣ Аввакумъ прожилъ уже мѣсяцъ до того дня, когда мы увидѣли его у Михайлы Васильева.

Книжная лавка тоже обогащала его свѣдѣніями, ибо простоватый Михайло Васильевъ, не стѣсняясь, разсказывалъ ему все, что зналъ, а зналъ-то онъ много, находясь въ самомъ центрѣ правительственныхъ мѣропріятій и узнавая все изъ вѣрныхъ источниковъ.

Самъ Васильевъ былъ искренно убѣжденъ во вредоносности раскольниковъ и вѣрилъ въ пользу и цѣлесообразность всего, что предпринимаетъ противъ нихъ правительство. Но Васильевъ и не подозрѣвалъ, что Аввакумъ такой могущественный и дѣятельный агитаторъ нелюбимыхъ имъ раскольниковъ. Самое большое, что онъ зналъ, да и то невѣрно,—что Аввакумъ не прочь продать и купить раскольничью книжку, и что

Дозволено Цензурою 24 Марта 1887 г.

онъ разстриженный попъ; объ истинныхъ же размѣрахъ дѣятельности Аввакума Васильевъ не имѣлъ и понятія.

Аввакумъ умѣлъ притвориться и сократиться, гдѣ нужно.

Теперь Аввакумъ шелъ по направленію къ дому боярина Кравцова, тайнаго раскольника, съумѣвшаго соединить двѣ, одна другую исключающія вещи: службу императору Петру I и ярую приверженность къ расколу.

Недалеко отъ нынѣшняго Семеновскаго моста, въ мѣстности лѣсистой и глухой, былъ у Кравцова загородный домъ, гдѣ и остановился Аввакумъ со своей лошадью и возомъ.

Самъ боярин Кравцовъ былъ гдѣ-то по дѣламъ и только въ этотъ день пріѣхалъ въ свой петербургскій загородный домъ.

Онъ поселился близь Петербурга тоже для того, чтобы быть поближе къ средоточію противораскольничьей дѣятельности и слѣдить за нею. Во время слѣдствія по дѣлу царевича Алексѣя, одинъ изъ бывшихъ его слугъ попался въ тайную канцелярію и былъ пытанъ, но, къ счастію Кравцова, умеръ, не успѣвъ объяснить ничего о своемъ господинѣ. Самъ Кравцовъ остался внѣ подозрѣнія и, надѣясь на вліятельную

родню и множество доброжелателей, смѣло продолжалъ свою дѣятельность и послѣ погрома и казней...

Къ дому этого-то Кравцова Аввакумъ и шелъ, громко разсуждая съ собою, окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ сосновымъ боромъ, выросшимъ на топкомъ финскомъ болотѣ.

— Господи Исусе! Истинно настало царство антихристово! Сколь много мученій пріемлемъ! „Тогда предадятъ вы въ скорби и убіютъ вы и будете ненавидими всѣми языки, имене моего ради... и мнози лжепророци возстанутъ“... Истинно возстали мнози лжепророцы во образѣ іееревъ и первосвященниковъ! разсуждалъ Аввакумъ, воздымая руки кверху.

Затѣмъ его мысли перешли на предметы разговора въ книжной лавочкѣ, и снова посыпались проклятія на голову Михайла.

— Добро, рабъ неразумный, что ты повѣдалъ мнѣ о беззаконіи, кое хотятъ сотворить съ честнымъ архимандритомъ рязанскаго Троицко-Ильинскаго монастыря Германомъ Кононовичемъ — не пройдетъ и седми дней, какъ онъ узнаетъ благовременно и сотворитъ посему, дабы ухищренія врага Исусова, недостойнаго Гаврилы-никоньщика, разсыпались въ прахъ!... *)

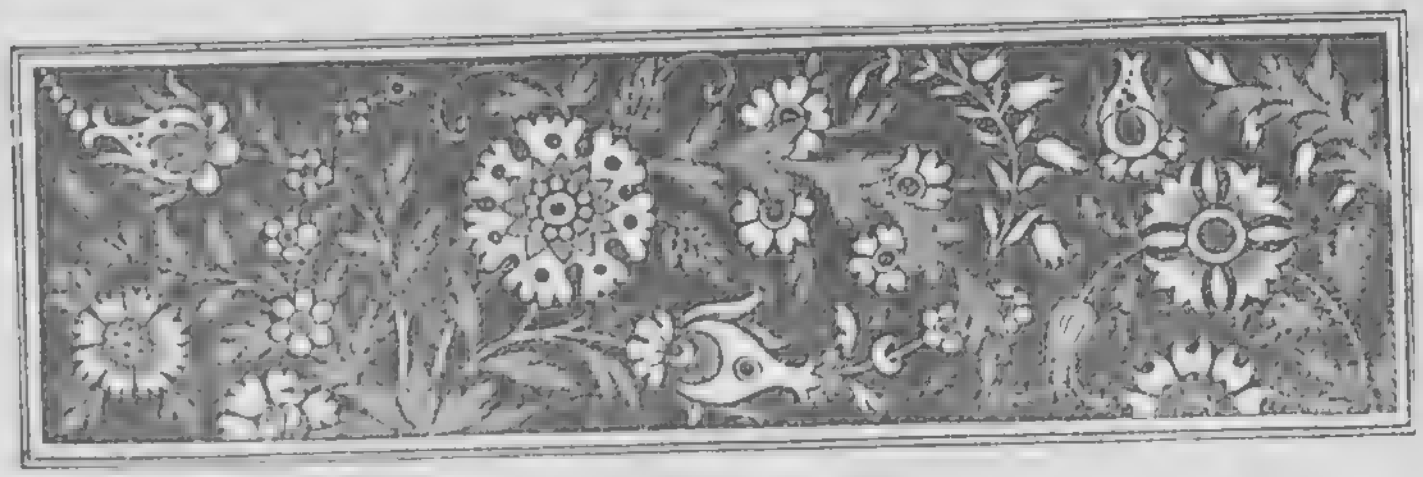
*) Аввакумъ говорилъ о протекторѣ типографій, архимандритѣ Гавріилѣ Бужинскомъ.

Дозволено Ценз 24 Марта 1887 г.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ 24 Марта 1887 г.

II.

ДВѢ СИЛЫ.



Люди древляго благочестія.

Была уже ночь, когда Аввакумъ подошелъ къ высокому тыну дома Кравцова и, крестясь „двуперстнымъ сложеніемъ“, постучалъ въ ворота. За воротами послышался свирѣпый собачій лай и загремѣли кольца по цѣпи, на которой бѣгали дворовые псы.

— Кто тамъ? послышался голосъ сторожа.

— Я, рабъ Аввакумъ,—отвори, друже Анофріе!

Тяжелый засовъ завизжалъ, и калитка отворилась, пропустивъ Аввакума.

— Пріѣхалъ бояринъ? спросилъ Аввакумъ сторожа.

Дозволено Ценз. 24 Марта 1887 г.

— Пріѣхалъ, въ моленной съ нашими, тебя ждутъ, отвѣтилъ Анофрій, снова запирая калитку и окрикивая псовъ.

Аввакумъ отправился сначала въ конюшню, посмотрѣлъ лошадь, потомъ въ людскую трапезную и, утоливъ наскоро голодъ, пошелъ въ моленную...

Раскольничья моленная около Петербурга, подъ бокомъ у Петра Великаго, ожесточенно гнавшаго раскольниковъ, какъ враговъ его преобразовательныхъ начинаній и своихъ личныхъ,—какое опасное сосѣдство!... За то эта моленная была скрыта такъ, что даже зоркіе слуги великаго царя не подозрѣвали ея существованія.

Аввакумъ прошелъ густой садъ и, отворивъ дверь какого-то зданія, похожаго на сарай, спустился по лѣстницѣ ступеней шесть.

Во тьмѣ откуда-то глухо слышалось гнусливое пѣніе. Аввакумъ прислушался.

«Пришло времячко гонимо,
Народился злой антихристъ,
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился;
Стали его волю творити —

Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву нити»...

слышалось глухо въ темнотѣ.

— Кончили моленіе, собесѣдуютъ!... замѣтилъ вслухъ Аввакумъ и постучалъ въ низенькую дубовую дверь.

Все вдругъ замолкло.

— Отъята есть благодать отъ міра сего!—древлее благочестіе, яко кринъ Исусовъ, возсія! произнесъ Аввакумъ.

— Аминь! отвѣтили изъ-за двери. Засовъ брякнулъ, и дверь отворилась, освѣтивъ тѣсное пространство преддверія.

— Иди, брате! проговорилъ глухой голосъ, и Аввакумъ очутился въ низкой, большой подполицѣ, освѣщенной восковыми свѣчами.

Въ ней было жарко и душно. Одинъ уголъ былъ сверху до низу широко заставленъ образами старинаго темнаго письма въ дорогихъ окладахъ; на столѣ, передъ образами, груда книгъ въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ съ захватанными, округлившимися углами. Моленная была наполнена народомъ съ бородами, въ кафтанахъ, похожихъ на подрясники. Всѣ сидѣли на лавкахъ кругомъ моленной и около столовъ; раскольничій поп въ черной, подпоясанной

Дозволено Цензурой 24 Марта 1887 г.

широкимъ ремнемъ, рясѣ и камилавкѣ съ нашитымъ на ней осмиконечнымъ крестомъ сидѣлъ въ переднемъ углу и перебиралъ какую-то книгу съ потемнѣвшими отъ времени листами, крупно писанную, съ красными большими буквами. Энергичное, обрамленное широкою съ просѣдью бородою лицо попа съ огненными глазами внушало къ себѣ какое-то жуткое чувство, смѣшанное съ уваженіемъ.

При входѣ Аввакума всѣ встали съ своихъ мѣстъ и, давъ ему широко перекреститься на образной уголъ, положить три поклона и поцѣловать осмиконечный крестъ, который попъ вынулъ изъ мѣшечка на груди,— подошли съ привѣтствіями и разспросами.

Боярынъ Кравцовъ съ *бритою* бородою, но въ длиннополомъ кафтанѣ, тоже подошелъ къ Аввакуму.

— Что, друже, новаго? былъ ты у Мишки-книжника и кои вѣсти принесъ изъ гнѣзда Антихристова?

— Охъ! отъиде благадать на небо, убояся врага Исусова—Никона! завопилъ Аввакумъ,—и многія ковы ожидаютъ насъ!... Не дремлетъ Антихристъ, умножая раны и попирая древлее благочестіе... Принесъ я указы Антихристовы—мерзкую прелесть, отметающую всякое общеніе съ Богомъ... Вотъ въ семъ гласится, яко бы честное украшеніе иконъ добровольнымъ подаяніемъ—есть нелѣпый обычай... Въ семъ указѣ Антихристъ

Дозволено Ценз. 24 Марта 1887 г.

бусловитъ, яко бы пѣсть истины въ чудотворномъ мурѣ, иконами источаемомъ на радость страждущему человѣку... И иныя вѣсти принесъ я братіи...

— Добро! замѣтилъ Кравцовъ,—нынѣ благодать насъ, разъединенныхъ, совокупила... Отецъ Пафнутій съ Выга, съ Поморья, Исидоръ съ Керженскихъ лѣсовъ, Симеонъ изъ-подъ Кіева—всѣ тутъ!... Выслушаемъ всѣхъ и добре обсудимъ дѣла благочестія... Покуда Антихристъ въ языческой землѣ, и снятъ слуги его—намъ дремать не подобаетъ.

— Куда еще простираетъ свою алчную руку Антихристъ? спросилъ старецъ съ Поморья.

— Въ Персидскую страну уѣхалъ онъ и взялъ съ собой лютѣйшихъ своихъ слугъ, другіе же небрегутъ, а иные, чистоту сохранившіе, нашу руку тянутъ.

— Пречестнаго мученика и учителя Григорія Таличкаго книжицы, рекомыя: „Врата“ и „О пришествіи Антихриста“ тискаютъ подъ Москвой въ тайной печатнѣ, такожъ и о лживой „Правдѣ воли монаршей“ обличительная книжица выходитъ, сообщалъ одинъ изъ присутствовавшихъ Аввакуму.

— Помогай Исусъ! потщуся развезти ихъ по своимъ, а отцамъ Керженскимъ привезъ я божественнаго писанія книжицъ малую толику — нужда въ нихъ у

васъ! обратился Аввакумъ къ Исидору Керженцу, высокому, коренастому старику.

— Вѣчные твои молитвенники будемъ, поклонился Керженецъ Аввакуму, — награди тебя Богородица за радѣніе, брате!...

— Вѣдомо вамъ, обратился Кравцовъ ко всѣмъ, — что невдолгѣ будутъ позорить въ Троицкой церкви тѣхъ, кои истину о „Правдѣ воли монаршей“ писали?

— Десятаго числа будутъ анаоемѣ предавать, добавилъ Аввакумъ, — мнѣ это Мишка-книжникъ сказывалъ.

— Анаоемѣ! провозгласилъ поп, молчавшій до сихъ поръ, — они, слуги анаоемскіе, дѣти Вельзевула преисподняго, предаютъ насъ анаоемѣ!... Сей позоръ въ славу и похвалу намъ будетъ. „Блаженни, иже ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ лжуще мене ради“, о, слѣпотствующіе! не вѣдаютъ, куда влечетъ ихъ Антихристъ!...

— Погибла наша надежда! закатилось наше солнце свѣтлое, Божье лоно пріялъ Алексѣй-царевичъ! началъ нараспѣвъ одинъ изъ раскольниковъ, и разговоръ склонился на кровавыя событія исторіи царевича.

Въ Алексѣѣ Петровичѣ, приверженцѣ стараго порядка, раскольники видѣли будущую опору свою и съ нетерпѣніемъ ждали смерти ненавистнаго имъ Петра.

Многіе заговоры на его жизнь, какъ извѣстно, не достигали цѣли и окончились страшно для раскольниковъ. Цѣлыми потоками крови и многими жертвами поплатились они за это, потерявъ лучшихъ и энергичнѣйшихъ изъ своихъ дѣятелей. Началась пропаганда литературная.

Озлобленные враги Петра начали проповѣдывать, что Петръ—Антихристъ и въ дѣлахъ его находили всѣ признаки сходства съ апокалиптическимъ Антихристомъ. Петръ былъ *восьмымъ* царемъ (до *царя* Іоанна Грознаго правили Русью *великіе князья*), а въ Апокалипсѣ сказано (глава 17): *И звѣрь, иже бѣ, и нѣсть, и той осьмый есть, и отъ седмихъ есть, и въ пагубу идетъ*". На этихъ словахъ и основали раскольники свою проповѣдь о Петрѣ, какъ Антихристѣ. Въ 1700 году „книгописецъ" Григорій Талицкій сочинилъ двѣ книжки: „Врата" и „О пришествіи Антихриста", гдѣ доказывалъ, на основаніи Апокалипсиса, что Петръ—Антихристъ. Книжки эти Талицкій хотѣлъ было и напечатать, *назвавъ* и вырѣзавъ на липовыхъ доскахъ, но его схватили и послѣ жестокихъ пытокъ казнили.

Но волненіе, поднятое этими книжками, распространившимися въ рукописяхъ, не улеглось въ раскольничьей средѣ; оно вызвало другаго фанатика, капитана дра-

гунъ Василія Левина, который, весь поглощенный мыслью, что пришли послѣднія времена міра, и явился Антихристъ во образѣ Петра,—вышелъ въ отставку и въ монашескомъ одѣяніи, подъ именемъ старца Варлаама, въ мартѣ 1722 года, на торговой площади въ Пензѣ, съ крыши началъ проповѣдывать народу о пришествіи Антихриста и непокорности ему, потому что онъ, молъ, ведетъ къ вѣчной погибели.

Онъ также, по доносу посадскаго человѣка Ѳедора Каменьщикова, былъ схваченъ и отосланъ въ тайную канцелярію, гдѣ на жестокихъ пыткахъ назвалъ многихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ описываемое нами время дѣло его еще тянулось, и застѣнки страшной тайной канцеляріи каждый день оглашались стонами пытаемыхъ приверженцевъ старины. Къ этому дѣлу присоединилось другое: въ началѣ 1722 года какой-то отчаянный изувѣръ, въ одеждѣ мелкихъ чиновниковъ петровскаго времени и съ кисой, въ которой носили тогда бумаги, пробрался въ Петербургѣ въ покои Петра и, увидѣвъ царя, смѣло пошелъ за нимъ. Бывшій дежурнымъ дневальнымъ Бутурлинъ загородилъ ему ходъ, но тотъ порывался впередъ, и когда Бутурлинъ толкнулъ его, изъ кисы нечаянно выпалъ огромный ножъ и обнаружилъ злодѣя, покушавшагося на жизнь Императора. Это было по-

слѣдшею попыткою озлобленныхъ враговъ Петра, къ счастію Россіи, неудачною.

Страшное было время для враговъ великаго преобразователя; каждый день хваталось множество людей изъ ихъ среды, и на дыбѣ, подъ кнутомъ, огнемъ и на острыхъ спицахъ оговаривали схваченные все новыхъ и новыхъ несчастныхъ...

Но воротимся въ моленную Кравцова.

— Упреди, брате, говорилъ Аввакумъ одному изъ раскольниковъ,—отца Германа, архимандрита рязанскаго, что враги Неусовы выемку въ его печатнѣ сдѣлать хотятъ,—сегодня я узналъ объ этомъ въ книжной лавкѣ.

— Порадѣю. Невдолгѣ буду въ тѣхъ краяхъ съ отцомъ Иринеемъ, или старецъ Амвросій донесетъ вѣсть, коли раньше насъ будетъ.

— На дымъ пустить! анафемѣ въ лапы ввергнуть предателя! неистовствовалъ попъ въ углу, обсуждая съ нѣсколькими зловѣщаго вида раскольниками планъ мести посадскому человѣку Ѳедору Каменьщикову, донесшему на Варлаама Левина и ввергшему этимъ раскольниковъ въ страшныя бѣды.

— Не уйдетъ слуга діавола изъ нашихъ, рукъ, получитъ мзду...

— Зѣло скорбныя времена! повѣствовалъ поморскій

старецъ съ Выга-рѣки, мнози мученическій вѣнецъ пріемлютъ—иные сами идутъ въ рай Исусовъ. Воздвигаются костры, честные мученики сожигаются, поя славу Богу. На Тоболѣ рѣкѣ, въ пустынѣ дѣвичьей, слышалъ я, два ста инокинь и старицъ, не стерпя гоненія отъ Антихриста, заперлись въ церкви и зажглись со всѣхъ сторонъ—и ни едина не осталась въ живыхъ, всѣ соединились съ Господомъ, возлетя душою на небо, тѣлесами истлѣвъ, со всею благодатію, въ коей заключились!...

— Конецъ міра!... Скоро труба архангела возгремитъ надъ землею!... Блажени чистоту сохранившіе! вздыхали кругомъ при разсказѣ о самосожигающихся цѣлыми деревнями и скитами.

«Вы бѣгите въ горы—вертепы,
Вы наставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите,
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову;
За то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы
И введу васъ въ царство небесное!...

затянулъ ветхій старецъ съ сѣдою бородою завѣтъ Христа изъ раскольничей пѣсни „О старицѣ“, и изъ глазъ раскольника потекли слезы, а рука творила двоеперстное крестное знаменіе...

Правильно слагаемый крестъ изъ трехъ пальцевъ раскольники въ насмѣшку называли *табачной щепотью*, которою табакъ проклятый нюхаютъ, а не *крестомъ*, а это было однимъ изъ важныхъ пунктовъ ихъ вражды съ иконьщиками.

Покуда тянулось гнусливое нѣніе раскольничьяго стиха, подхваченное нѣсколькими изъ присутствовавшихъ, книжникъ Аввакумъ подошелъ къ попу и сообщилъ ему, что вышелъ указъ отъ синода о собесѣдованіи съ раскольниками о дѣлахъ вѣры:

— „Дабы раскольничьи учители должнаго ради съ синодомъ о несогласіи ихъ разглагольствія явились нескрытно, безъ всякой боязни, и въ томъ разглагольствіи имѣли-бы во объявленіи мнѣнія своего голосъ свободный“... читалъ попъ поданный ему листокъ; но на послѣднихъ словахъ бросилъ листокъ съ досадою на полъ и затоптalъ его ногою.

— Голосъ свободный! вскричалъ онъ,—о, племя Иродово! предатели! Кого хотите вы обмануть этой прелестью?... Не единожды видѣли мы коварство ихъ и вѣдаемъ, каковъ это *голосъ свободный!*... Съ цѣпями и колодками назади!... Сколь простодушны они, мня, что мы увѣруемъ въ ихъ обманъ!...

— Еще въ памяти у насъ собесѣдованіе съ Питиримомъ, замѣтилъ одинъ изъ слушавшихъ тутъ же,— сей недостойный еретикъ мнилъ дубинами привести

насъ къ единенію съ никоніанами, и, вмѣсто свободнаго ренія о вѣрѣ на догматахъ и на святыхъ отцахъ, онъ сталъ руки крутить назадъ и угрозами требовалъ согласія съ Никоновымъ буесловіемъ.

— Вѣдалъ сей Питиримъ, что не побороть ему нашихъ учителей на догматахъ, да на писаніи, ибо святое древлее благочестіе отъ вѣка на камени поставлено Исусомъ Христомъ, а никоньщина, еретическое сплетеніе, это—домъ на пескѣ! прибавилъ поп, гордо посмотрѣвъ на слушателей.

— И отписалъ никоньщикъ нечестивому синедріону, яко бы устыдилъ онъ насъ и многихъ въ единеніе привелъ!...

— Слуга Антихристовъ, щепотникъ, табанникъ! бранился поп.

Отъ собесѣдованія Питирима разговоръ перешелъ на другіе предметы. Опять выступило на сцену имѣющее быть проклятіе подметчиковъ писемъ противъ „Правды воли монаршей“ и рѣшено было въ самый день преданія анафемѣ вновь подкинуть проклятіе антихристову роду съ указаніемъ на недѣйствительность анаѳемы, произносимой еретиками.

— Пусть видятъ, что и древлее благочестіе не дремлетъ, что хулы ихъ въ славу нашу обращаются; да устыдится родъ заблуждающійся, разсуждали раскольники.

Уже разсвѣтало, когда собесѣдованіе раскольниковъ было окончено и началось опять моленіе съ упоминовеніемъ мучениковъ: Талицкаго, Левина и всѣхъ присныхъ, съ проклятіемъ враговъ древляго благочестія. Раздалось унылое гнусливое пѣніе, руки замахали, творя широкое крестное знаменіе, и вслѣдъ за коренастой фигурой попа все собраніе клало земные поклоны, за исключеніемъ безпоповцевъ съ Выга-рѣки, которые, удалившись въ другую каморку, держали моленіе по своему.

Странное и своеобразное зрѣлище представляло низкое подземелье, освѣщенное трепетнымъ, желтымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей.

Дымъ изъ ручной кадильницы попа окуталъ фигуры молящихся раскольниковъ, что придало имъ еще болѣе таинственности.

Много зла и досады правительству было обсуждено и задумано на этомъ сборищѣ озлобленныхъ враговъ царя-образователя, пріютившихся у самаго его сердца, въ новосозданной столицѣ.

Анаѳема.

Утромъ 10-го іюля 1722 года Нева около Адмиралтейства и крѣпости пестрѣла сновавшими взадъ и впередъ лодками, ботами и шлюпками. Съ Адмиралтейскаго острова, какъ тогда называли ту часть Петербурга, гдѣ стоитъ Адмиралтейство и гдѣ теперь расположена лучшая и большая часть города, на Петербургскій островъ съѣзжался народъ въ церковь св. Троицы, гдѣ владыка Ѳеофанъ Прокоповичъ предастъ анаоемѣ раскольниковъ. Небольшая церковь не вмѣститъ всѣхъ, хотящихъ присутствовать при этомъ, но всѣ сходятся къ ней, чтобы хоть съ паперти, изъ толпы послушать краснорѣчиваго проповѣдника, поглядѣть на любопытный обрядъ.

Яркое солнце освѣщаетъ всю Неву и острова, покрытые зеленью лѣса, еще густо растущаго на нихъ. Подальше пологихъ зеленыхъ и болотистыхъ береговъ Невы выдвигаются группы деревянныхъ построекъ, Адмиралтейство съ лѣсомъ мачтъ и нестрѣющими на нихъ флагами; высокій зеленый шпиль маленькой деревянной церкви Исаакія Далматскаго видѣется подальше, блестя золотымъ крестомъ. Земляные валы крѣпости тоже освѣщены солнцемъ; на нихъ ясно видѣется фигура высокаго часоваго, расхаживающаго въ зеленомъ мундирѣ, ботфортахъ и треугольной шляпѣ, съ ружьемъ на плечѣ.

Васильевскій островъ весь изрѣзанъ узенькими каналами (давно уже уничтоженными), изъ которыхъ то и дѣло выплываютъ лодочки.

Между каналами—ряды деревянныхъ домовъ, амбаровъ и разныхъ построекъ.

Троицкая площадь на Петербургской сторонѣ запружена народомъ; самая большая тѣснота около церкви, съ колокольни которой раздается унылый рѣдкій звонъ колокола. Толпа состоитъ большею частью изъ простонародья, но попадаются и камзолы съ париками и шпагами. По другую сторону площади, около мостика въ крѣпость, въ палисадничкѣ стоящей тутъ австеріи нѣмца

Фельтена собрались иностранцы — нѣмцы, голландцы, шведы.

Разбившись группами, они ведутъ оживленные разговоры съ шутками и смѣхомъ и рѣшительно не обращаютъ вниманія на готовящееся торжество, ожидаемое русскими, толпящимися у церкви. Но вотъ веревка, протянутая снизу къ колоколу, дернулась и остановила равномѣрный звонъ. Съ первыми ударами трезвона толпа заколыхалась, давая пройти нѣсколькимъ вельможамъ въ шитыхъ камзолахъ и ослѣпительно бѣлыхъ парикахъ; вслѣдъ за ними всѣ начали тискаться въ церковь или поближе къ ней, и площадь опустѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но за то гуще сплотились толпы.

Слышались разговоры, разспросы:

— Что сегодня такое?... Изъ Персіи извѣстія?...

— Нѣтъ, сегодня предаютъ анаѳемѣ раскольниковъ, что подметныя письма писали, царя хулили.

— Все не унимаются! Какое невѣжество и упорство!...

— Да, много хлопотъ императору съ ними.

— Чего только не сплетаютъ про него!—будто бы Антихристъ онъ, каждый его шагъ осуждаютъ и проклинаютъ... А ничего не слыхали о томъ изувѣрѣ, что въ Пензѣ царя Антихристомъ называлъ?...

— Это о Левинѣ-то? Тянется еще дѣло!... Можно ли было ожидать, что крамола такъ близко отъ царя кроется!... Домашній священникъ князя Меньшикова, Лебедка по фамиліи, тоже попался, какъ соучастникъ въ этомъ дѣлѣ...

— Не можетъ быть!... Это правда-ли?

— Правда! я вѣрно знаю! онъ будетъ казненъ.

— Господи твоя воля!... А сказать по правдѣ, много корыстныхъ людей вошли къ царю въ довѣріе!... Хоть бы этотъ Меньшиковъ!... (разговаривающій нагнулся къ уху своего собесѣдника) — мошенникъ, взяточникъ, какихъ мало! — и простой народъ, и вельможи стонутъ отъ него, а ничего подѣлать не могутъ: царь вѣритъ только ему и никого больше слушать не хочетъ.

— Это всѣ знаютъ, и царь это знаетъ, но любитъ его за расторопность и преданность.

Ближе къ церкви, въ открытыя двери ея, слышалось пѣніе, обѣдня подходила къ концу. Вотъ пропѣли и послѣднюю молитву: „благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего императора Петра Алексіевича“; толпа заколыхалась, усиленно начала креститься, и какой-то сдержанный гулъ прошелъ по всей массѣ собравшагося народа, потомъ наступило мертвое молчаніе, только вдали у австеріи шумѣли нѣмцы...

И вдругъ изъ церкви пронеслось громкое нѣніе: „анаѳема! анаѳема!...“ Снова, точно волны, загудѣлъ народъ, уже сильнѣе—не то ропотъ, не то одобреніе слышалось въ этомъ гулѣ сотенъ голосовъ. Нѣмцы притихли.

— Анаѳема! анаѳема! анаѳема! опять понеслось изъ церкви, и гулъ опять усилился, переходя въ ревъ. Ни словъ, ни восклицаній не разобрать... Заколыхалось море головъ; что-то страшное носилось надъ этимъ гудящимъ моремъ, освѣщеннымъ яркими лучами солнца.

Народъ хлынулъ изъ церкви, началась давка; иные уходили, иные толпились у паперти, ожидая чего-то. Уже вся церковь почти опустѣла, когда въ дверяхъ ея показалась статная фигура владыки Ѳеофана Прокоповича въ шелковой рясѣ. Открытое, красивое и энергичное лицо его, обрамленное густою черною бородою и черными вьющимися волосами, смѣло оглядывало блестящими глазами толпу.

Толпа ринулась къ нему подъ благословеніе, ловя и цѣлуя его благословляющую руку на лету.

Владыка Ѳеофанъ съ трудомъ подвигался впередъ, сдавливаемый толпою: съ иными онъ перебрасывался словомъ, инымъ кивалъ головой, а рука неустанно творила благословляющее знаменіе, осыпаемая поцѣлуями...

Вдругъ передъ самымъ лицомъ владыки выросла какая-то высокая фигура; злые огненные глаза въ упоръ впились въ ясные черные глаза Ѳеофана, и, приблизившись, будто подъ благословеніе, неизвѣстный проговорилъ задыхающимся голосомъ прямо въ лицо владыки:

— Анаѳема!... Трепроклятъ!... Анаѳема!...

Ѳеофанъ отшатнулся, взглянувъ въ искаженное лицо дерзкаго, черные глаза владыки вспыхнули огнемъ гнѣва...

Изувѣръ бросился въ толпу, двое слышавшихъ это хотѣли было крикнуть и поймать безбожника, но Ѳеофанъ Прокоповичъ остановилъ ихъ рукою.

— Не надо, дѣти! не преслѣдуйте!... Я не хощу новой крови—и такъ уже сугубо льется она... Это потерянный... Діаволъ глаголетъ устами его... Простите ему—не вѣдаетъ бо, что творитъ...

Дерзкій раскольникъ скрылся въ толпѣ, и не подозрѣвавшей, что̀ произошло съ владыкой, а Ѳеофанъ продолжалъ идти, благословляя и опуская глаза, горящіе гнѣвомъ, который онъ сдержалъ; только тонкія ноздри его краснаго носа раздувались, обличая душевное волненіе подъ этой спокойной наружностью...

Площадь пустѣла, шумными группами расходился народъ, одни по направленію къ нынѣшней Дворян-

Дозволено Цензурою 24 Марта 1887 г.

Лит. Р. Голике С. П. Б. Тропинка д. № 18-20.

ской улицѣ, другіе къ берегу Невы, гдѣ ихъ ждали лодки, большею частію свои, такъ какъ ихъ обязательно надо было имѣть каждому, имѣющему на то средства. Нева снова покрылась пестрымъ скользящимъ узоромъ раскрашенныхъ ботовъ и илюнокъ, перевозящихъ людей на Адмиралтейскій островъ. Слышались оживленные разговоры.

— Владыку оскорбили!... раскольники на Θеофана руку занесли, разговаривали въ группахъ, уже успѣвшихъ узнать о происшедшемъ отъ двухъ свидѣтелей его.

— Ну! опять слѣдствіе! опять работа тайной канцеляріи, снова дыба и плеть!... Не успѣли съ однимъ расправиться... О, Господи!...

— Оскорбитель скрылся!... Владыка простилъ, не велѣлъ ловить.

— Истинный владыка! — многомилостивъ и жалостливъ!...

Ботъ съ разговаривающими поровнялся съ лодкой, въ которой сидѣли наши знакомцы, Михайло Васильевъ съ женой, красивой молодой женщиной, и его подручный, Петръ. Васильевъ ловко правилъ рулемъ, а Петръ работалъ веслами, какъ искусный матросъ.

— Слышишь, Михайло Васильичъ! обратился подручный, — тутъ дѣло что-то нечисто!... Я тебѣ баялъ,

что видѣлъ Аввакума на площади... Что-то очень торопился онъ отъ домика царскаго и шелъ къ палатамъ князя Меньшикова, озираясь. Я не окликнулъ его, да и онъ не видалъ меня... что-то сумнителенъ онъ. Слышь, и владыку оскорбили, разсказываютъ... Вѣрно тутъ были раскольники.

— Озлоблены еретики!... Зѣло озлоблены на Ософана!... И Аввакума выведемъ на свѣжую воду. Пожди мало, Петръ, мы его разспросимъ, какъ въ лавку придетъ, отвѣчалъ Михайло Васильевъ, поворачивая лодку къ Адмиралтейству, по деревяннымъ сходнямъ котораго и вышелъ съ женой на берегъ, а Петръ поѣхалъ дальше.

— Зачаль лодку-то, да обѣдать приходи! крикнулъ Петру Михайло, оборотясь назадъ.

Троицкая площадь опустѣла, лишь изрѣдка или прохожіе; только у австеріи нѣмца Фельтена было шумно и визжала музыка. Въ палисадничкѣ за столами сидѣли и пили пиво; чрезъ раскрытыя окна слышался звонъ стакановъ, щелканье игральныхъ костей и громкій разговоръ на разныхъ языкахъ.

Изрѣдка вырѣжется восклицаніе, покрытое общимъ смѣхомъ.

— Nu, hohl' dich der Kukuk! (Кукушка тебя возьми).

Или:

— Herr Kapitain, ihr Gang! (вашъ ходъ, капитанъ).

А подальше отъ этой кучки веселыхъ, пригрѣвшихся около новой столицы иностранцевъ, за рядами деревянныхъ и мазанковыхъ домовъ, за невырубленными лѣсами, на базарѣ, въ мѣстности нынѣшней Сытнинской площади, шумѣлъ другой народъ и другіе звуки слышались въ этомъ шумѣ.

Тутъ слышалась русская рѣчь со всѣми ея оттѣнками: и Москва, и Псковъ, и Харьковъ съ Полтавой имѣли своихъ представителей въ этой кучѣ оборваннаго простонародья, толпящагося на базарѣ, между лавченокъ и лотковъ съ простымъ мужицкимъ товаромъ. Вонючій *обжорный рядъ* кормилъ сотни бездомныхъ бродягъ, раздобывшихся всѣми правдами и неправдами какимъ-нибудь *алтыномъ*.

Не пригрѣтый и не обласканный былъ здѣсь народъ, согнанный давнымъ-давно своими господами, по приказу царя, чтобы ихъ рабочими руками забутить болото, вырыть каналы, возвести валы крѣпости и срубы для домовъ и казармъ. Обстроившіе новый городъ сами жили въ шалашахъ и худыхъ избенкахъ, построенныхъ вдоль берега Большой Невки въ нѣсколько извилистыхъ рядовъ.

Это былъ ветхій „городъ чернаго народа“ съ растрепанными крышами, покосившимися срубами, затянутыми пузыремъ окнами. Полиція рѣдко заглядывала сюда, и здѣсь иногда скрывались грабители и разные преступники.

Разнорѣчивые толки слышались между сѣрымъ народомъ на базарной площади. Обиженные судьбой громко высказывали здѣсь свое недовольство Петербургомъ и его строгими заморскими порядками. Полиція не очень налегала на этихъ крикуновъ, потому что взять съ него нечего: *по неразумію бунтовалъ!* Высѣкутъ разъ-другой за буйство, да и оставятъ.

Толпа гомонила, зазывала, торговалась; слышалась брань, иногда отрывокъ пѣсни выдѣлится изъ шума и снова смолкнетъ, заглушенный говоромъ.

Вдругъ въ этомъ шумѣ послышались какіе-то странные металлическіе звуки, будто арестантъ гремитъ кандалами.

Гдѣ былъ слышенъ этотъ звукъ, — говоръ смолкалъ, и всѣ оглядывались и прислушивались.

Этотъ странный звонъ цѣпи производилъ невысокаго роста тщедушный человѣкъ въ порыжѣвшемъ кафтанѣ на подобіе подрясника, съ однимъ рукавомъ и съ кускомъ, вырваннымъ изъ спины.

Ноги были босы и грязны, изъ-подъ одежды болтался конецъ цѣпи отъ веригъ, гремѣвшій при каждомъ шагѣ.

На всклокоченныхъ рыжихъ волосахъ видиѣлась скуфейка; изможденное лицо было грязно и смѣшно, только сѣрые глаза не были безумны, какъ у юродивыхъ—они были хитры и злы.

— А-а! это Сеня-дурачекъ, Божій человѣкъ! говорили мужики, оглядываясь, и кой-кто бросалъ ему гроши, которые онъ быстро поднималъ и пряталъ.

— Лобаны — чебаны, заморскіе сатаны! напѣвалъ юродивый, качаясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону.

— Звѣрь осьмиглавый! вдругъ завопилъ онъ дико,— клеймо Антихристово! клеймо изъ-за моря ѣдетъ — спасайся!... Подъ землю иду! Городъ въ землю провалится, Вельзевулъ возрадуется... Ана-аоема!!

— Сенюшка блаженненькій! закричала ему какая-то торговка, подь сюда—на тебѣ калачикъ!...

— Калачикъ не плачетъ!... а тебѣ нѣмецъ бороду обрѣетъ! сказалъ юродивый, беря калачъ. Кругомъ разсмѣялись.

— Грамота съ неба свалилась, заморщина провалилась! снова завопилъ юродивый, — сатаны мучени-

ковъ проклинаютъ—правду съ земли сметаютъ!... Бей вора, бей вора!...

— Эй, Сенька! куда ты выползъ? окликнулъ его какой-то мужикъ,—сидѣлъ бы въ норѣ, а тутъ комисаръ сцапаетъ!—уйди!...

Юродивый испуганно взглянулъ на говорившаго.

— А тутъ онъ?... Гдѣ сатана? спросилъ Сенька.

— Тутъ не тутъ, а какъ разъ сцапаютъ... Да вонъ стоитъ какой-то!

— Пущай подойдетъ! я только плюну—и провалится сатана, заморщина бритая!... Православные! послушайте, что съ нами нѣмцы дѣютъ!...

— Смотри, смотри!... Мужикъ показалъ на трехуголку, показавшуюся въ толпѣ... Юродивый опрометью бросился въ толпу, придерживая вериги, но предъ нимъ, словно изъ земли, выросли два высокихъ гвардейца и схватили его...

— Бери вора!... Давно до него добирались! крикнулъ одинъ.

Юродивый сталъ отбиваться; скуфейка свалилась съ головы, волосы откинулись, обнаруживъ на лбу клеймо.

— Бѣглый каторжникъ!... не уйдешь! говорилъ гвардецъ, скручивая юродиваго, который завопилъ, что было мочи:

Дозволено Цензурою. 24 Марта 1887 г.

Лит. В. Голике С.П.Б. Троицк. п. д. 18-20.

— Православные! спасайте!... Нѣмцы вѣру святую угнетаютъ, церкви Божіи оскверняютъ!...

Нѣсколько человѣкъ ринулись изъ толпы къ мѣсту происшествія съ цѣлью освободить юродиваго изъ рукъ гвардейцевъ, и между ними завязалась борьба.

— Люди древляго благочестія! спасайте нашихъ! раздались крики, но тутъ подоспѣли другіе солдаты; толпа дерущихся увеличилась, многіе изъ народа приняли сторону солдатъ.

Наконецъ клейменый юродивый былъ взятъ вмѣстѣ съ двумя наиболѣе буйными его заступниками.

Дѣло обошлось просто рукопашною схваткою между народомъ и солдатами, не дошедшею до оружія.

Бунтъ, затѣянный раскольниками, не удался. Ихъ надежды на народъ, который, какъ они думали, приметъ ихъ сторону, оказались обманутыми, хотя раскольниками было пущено въ ходъ самое дѣйствительное средство — вооружить народъ противъ угнетателей святыни, противъ обидчиковъ *божьяго человѣка*—юродиваго.

Раскольники знали, что этотъ бунтъ не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, и что желѣзный царь, хотя и находящійся въ отсутствіи, все-таки справится съ ними, но фанатическое озлобленіе заставляло ихъ просто хоть досадить, надѣлать хлопотъ *именно въ*

тотъ день, когда ихъ предавали анаоемѣ, и, взбунтовавъ народную толпу, показать всѣмъ, что народъ оскорбленъ...

Мѣра злобы всѣхъ собравшихся въ ту ночь въ моленной Кравцова раскольниковъ была переполнена, но они ждали дѣйствія другаго своего замысла, совершоннаго въ тотъ же день...

Въ неожиданной западнѣ.

Въ то безгазетное время новости не такъ скоро, какъ теперь, облетали городъ. Михайло Васильевъ однимъ изъ первыхъ узналъ отъ забѣжавшаго къ нему въ лавочку дворцоваго служителя на другой день преданія анаоемѣ, что у „галанскаго“ домика Петра Великаго на Нетербургскомъ островѣ найдены подкинутыя раскольничьи письма съ проклятіемъ царю и всѣмъ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ, гонящимъ и истязующимъ древлее благочестіе. Такое же письмо нашли у палатъ Меньшикова и у дома, гдѣ жилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

— Показали владыкѣ Ѳеофану, разсказывалъ дворцовый служитель,—онъ прочелъ и сказалъ, что надо подождать со строгимъ розыскомъ, а покуда розыски-

вать не спѣша, втихомолку. Извѣстіе къ царю писалъ самъ владыка, сказывали...

— Вѣдь сколь озлоблены еретики! восклицалъ Михайло Васильевъ при разсказѣ.

По уходѣ служителя, Петръ, внимательно слушавшій разсказъ о подкинутыхъ письмахъ, вдругъ подошелъ къ Михайлу Васильеву и сказалъ:

— А что, Михайло Васильичъ, я тебѣ скажу: чаятельно мнѣ, что Аввавумъ-то не даромъ былъ у Троицы, охъ, не даромъ!... Мнится мнѣ, что этотъ Аввакумъ подбрасывалъ цыдулки...

— Не можно этому быть! усумнился Васильевъ вслухъ, хотя внутренно и самъ сталъ подозрѣвать Аввакума.

— Воистину такъ, Михайло Васильичъ, нѣшто зѣло торопко переходилъ Аввакумъ площадь и все оглядывался на галанской царской домикъ... и шелъ онъ къ Меньшиковымъ палатамъ, а тамъ также цыдулки нашли!... дѣлалъ соображенія Петръ.

— Все-таки не подобаетъ обвинять сряду... Можетъ быть, онъ *такъ* переходилъ... Мы его давно знаемъ, знаемъ, что онъ отрекся раскола и соединился съ церковью...

— Мало-ли что онъ самъ-то наговоритъ — онъ хитеръ!...

— Все такъ!... и повѣрить ему трудно, а все-таки до время помолчимъ, Петруха... Страшно въ эти дѣла вмѣшиваться!... Коли на дыбу не хочешь, — такъ и молчи!...

— Вѣдомо, что *„доказчику — первый кнутъ“*, вздохнулъ Петръ.

— Аввакумъ долженъ придти въ лавку—вотъ мы и подождемъ его, а какъ придетъ, и спросимъ: былъ ли онъ тамъ вчера, у Троицы?... Можетъ, и вывѣдаемъ, а покуда—ни-ни...

— Что теперь дѣлается въ тайной канцеляріи!... Боже мой! что день, то привозятъ колодниковъ для допроса; всѣ застѣнки, всѣ дыбы работаютъ—стонъ и плачъ во всѣхъ углахъ; палачи не успѣваютъ крови съ рукъ смывать...

— Это все по дѣлу Варлаама Левина!—и подѣломъ имъ, еретикамъ!... Не развращай они простой народъ бусловными рѣчами... Вѣдь *что* измыслили: — царь нашъ, Петръ Алексіевичъ, яко-бы нѣмкой рожденъ и подмѣненъ у царицы новорожденнымъ, яко-бы онъ восьмой царь—Антихристъ, и всѣ его просвѣтительныя дѣла, кои славою покроютъ его народъ — суть развратъ и угнетеніе вѣры!... Воистину жестокой казни достойны сіи закоспѣлые въ невѣжествѣ и злобѣ еретики!... разгорячился Михайло Васильевъ, начитанный

и развитой парень, употребившій съ пользою для своего умственнаго развитія восемь лѣтъ торговли своей въ книжной лавочкѣ.

Входя въ частыя сношенія со всѣми помощниками и сотрудниками Петра Великаго и неоднократно бесѣдуя съ самимъ царемъ, Михайло Васильевъ понялъ стремленія царя-преобразователя и сталъ искреннимъ и горячимъ его поклонникомъ и ненавистникомъ всего, что было враждебно царю и его начинаніямъ.

Раскольники — враги Петра — были врагами и Михайлу Васильеву, и онъ всѣми силами старался помогать противодѣйствію имъ.

Вотъ почему онъ такъ заинтересовался Аввакумомъ, хотя ему и страшно было вмѣшиваться въ кровавое раскольничье дѣло.

Аввакумъ долго не появлялся въ лавкѣ, поджидая, пока немного утихнутъ разговоры о новыхъ подметныхъ письмахъ.

Весь раскольничій міръ былъ въ это время страшно возбужденъ и озлобленъ. Въ Москвѣ страшное дѣло Левина заключилось казнью его.

Изможденному пытками Левину 26-го іюля 1722 года отрубили голову, а тѣло сожгли и пепелъ развѣяли по вѣтру.

Царскій докторъ Блументростъ получилъ приказаніе „сочинить спиртъ въ удобномъ сосудѣ, въ которомъ бы можно ту голову Левина довезти до Пензы“.

Моленная Кравцова въ этотъ періодъ времени значительно перемѣнила свой составъ и поубавилась: многіе поѣхали въ Москву, на казнь мученика Варлаама и прислали вѣсть о ней къ своимъ петербургскимъ собратьямъ, многіе ушли по своимъ скитамъ и пустынямъ, разнося вѣсти и разсказы о видѣнномъ ими проклятомъ гнѣздѣ Антихриста—Петербургѣ, и его заморскихъ, еретическихъ порядкахъ. Во всѣхъ раскольничьихъ скитахъ, пустыняхъ и общежитіяхъ служились панихиды по мученикамъ за древле-православную церковь.

За казнью Левина въ Москвѣ должны были произойти и другія казни въ Пензѣ и иныхъ городахъ... Пропадало много фанатическихъ дѣятелей у раскола, но не уменьшалось рвеніе раскольниковъ въ борьбѣ съ правительствомъ. Такимъ внѣшнимъ оружіемъ, какъ огонь и мечъ, не искореняются религіозныя секты, не разрѣшаются вопросы совѣсти, причины которыхъ кроются очень глубоко...

Аввакумъ все еще жилъ для какихъ-то нуждъ въ Петербургѣ; въ самомъ началѣ августа онъ зашелъ наконецъ въ книжную лавочку къ Михайлу Васильеву съ цѣлью узнать кое-что, если можно.

— Добрый день людямъ божьимъ, произнесъ Аввакумъ, кланяясь.

— Здравствуй, Аввакумъ, сухо отвѣтилъ Васильевъ,—что долго глазъ не казалъ?

— Дѣла!... торговлишка!... Скоро потребно уѣзжать изъ Питера, зѣло долговременно загостился здѣсь.

Разговоръ пошелъ о событіяхъ послѣднихъ дней. Разсказывалъ Васильевъ. Аввакумъ только вздыхалъ, да вставлялъ общія фразы, стараясь не выдать себя. Подручный Петръ тоже вошелъ въ лавку и многозначительно поглядывалъ на Михайла Васильева.

— Тѣмъ не кончилось дѣло для еретиковъ, разсказывалъ Михайло Васильевъ, — голову сего изувѣра, на позоръ враговъ государевыхъ и въ примѣръ неразумнымъ, повезутъ въ спирту въ Пензу, гдѣ бусловилъ Варлаамъ Левинъ, и воткнутъ на шестъ, купно съ другими, коихъ обезглавятъ въ Пензѣ...

Аввакумъ откинулся назадъ, схватившись рукою за грудь, и еле-еле сдержалъ вспышку злобы при этой новой для него вѣсти.

Михайло Васильевъ замѣтилъ это, точно также, какъ и Петръ.

— Что съ тобой, Аввакумъ? спросилъ Васильевъ.

— Нѣшто неможется—заморился добре, отвѣтилъ Аввакумъ спокойно и началъ подыматься.

— Пожди малость, вотъ еще новые указы соберу тебѣ, остановилъ Михайло.

Аввакумъ сѣлъ.

— А что, Аввакумъ, былъ ты у Троицы десятаго іюля, когда предавали анаоемѣ подметчиковъ? вдругъ спросилъ Михайло Васильевъ, а Петръ такъ и впился глазами въ Аввакума.

Раскольника передернуло.

— Нѣтъ, не былъ, Божій человѣкъ... гдѣ намъ,— не до того было съ дѣлами... А что?... повѣдай, какъ сіе было, хитро спросилъ Аввакумъ.

Васильевъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ уже извѣстное читателю объ оскорбленіи владыки, о подметныхъ письмахъ и о попыткѣ къ бунту на базарной площади Петербургскаго острова.

— Теперь розыскиваютъ еретиковъ, что подкидывали хулительныя на царя грамоты, заключилъ лавочникъ,—такъ ты не былъ, говоришь, Аввакумъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ, не былъ!... недосужно было, снова началъ Аввакумъ,— да что?... въ тотъ день меня и въ Питерѣ не было! какъ-бы припомнилъ онъ.

— А я ровно бы какъ тебя видѣлъ у Троицы въ тотъ день, Аввакумъ! вдругъ вмѣшался въ разговоръ Петръ.

— Христосъ съ тобой, Божій человѣкъ! испуганно заговорилъ Аввакумъ и приподнялся; лицо его поблѣднѣло, — это тебѣ пригрезилось!... не мало есть сходственныхъ лицъ; ты кого другого видѣлъ, а не меня!... что ты, Петръ!... Я въ этотъ день отъѣзжалъ изъ города.

— Куда-жь ты отъѣзжалъ?

— Въ Стрѣльной деревнѣ былъ, у сродственника, работаетъ онъ тамъ.

— Да, нѣтъ, не могъ я ошибиться! — волосъ въ волосъ ты былъ!... Чудеса! Еще ты шелъ отъ галанскаго царскаго домика къ Меньшиковымъ палатамъ, скоро таково, ровно какъ уходя отъ кого, и руку за пазухой держалъ...

— Нѣтъ, Петруша, ты въ заблужденіе вшелъ — статься можетъ, похожій на меня былъ, а не я... одначе, прощайте—недосужно! заторопился Аввакумъ лихорадочно.

— Что-то не ладно, Аввакумъ! сказалъ Михайло Васильевъ,—ты приномни, можетъ запамятовалъ...

— Напраслину, Божій человѣкъ, взводишь! произнесъ Аввакумъ, уже выходя изъ лавки.

— *Онъ былъ!...* вмѣстѣ произнесли и Петръ, и Михайло, взглянувъ другъ на друга и поблѣдивъ при этомъ отъ сдѣланнаго ими открытія.

— Петръ! прерывающимся голосомъ сказалъ Михайло,—онъ уйдетъ!... скроется, прослѣди, братъ, скорѣй — куда онъ пойдетъ... Ой, Боже милостивый! Чаялъ ли я!...

У Петра еще раньше мелькнула эта мысль, и онъ быстро схватилъ шапку и вышелъ изъ лавки.

Оставшись одинъ, Михайло Васильевъ опустился въ изнеможеніи на скамейку; буря мыслей закрутилась въ его головѣ, въ немъ боролись различныя чувства: и страхъ передъ тайной канцеляріей, въ которую онъ неминуемо попадетъ, ввязавшись въ дѣло,—и желаніе наказать раскольника-подмётчика, открытаго такъ случайно...

— Да еще и онъ ли это?... Ошибка можетъ быть!... Что-жь до сихъ поръ я слѣпъ и глухъ былъ, якшаясь столь долго съ яростнымъ раскольникомъ, думалъ Васильевъ.—А какъ взведутъ обвиненіе въ соучастіи и сокрытіи! пришла ужасная мысль въ голову Михайлы,—долго разсуждать не будутъ, врагамъ легко повѣрятъ, а враги у меня найдутся—честное исполненіе долга среди окружающей татьбы всегда сдѣлаетъ враговъ... Хоть бы тотъ же князь Львовъ! — до сихъ поръ что-то не слышно о немъ, а вѣдь онъ, я знаю, не забылъ обиды и найдетъ случай отомстить. Слу-

чись что,—онъ сейчасъ подхватитъ это... а лицо сильное—тотчасъ погубитъ...

Такъ думалъ Михайло Васильевъ, опустя голову на грудь.

Когда онъ поднялъ ее и обвелъ лавку глазами—вдругъ взглядъ его остановился на кожаной котомкѣ, лежавшей у двери. Васильевъ сразу узналъ котомку Аввакума, быстро подошелъ и поднялъ ее трясущимися руками.

— Что тутъ еще?... Это Аввакумъ забылъ второпяхъ! мелькнуло въ головѣ Васильева,—посмотрю, что тамъ есть. И онъ торопливо началъ отстегивать ремни котомки, довольно туго набитой...

— Ну да какъ—тамъ улики противъ него! думалъ лавочникъ,—тогда хочешь—не хочешь, а свяжешься съ тайной канцеляріей... Господи, что будетъ со мной, что будетъ!... Этакій проклятый день сегодня...

Ремни отстегнуты; Михайло началъ вынимать книги... все дозволенное, купленное у него же!... Вотъ указы... Но подъ указами, на днѣ котомки оказалось еще мѣсто, снова застегнутое ремнями.

Когда и это отдѣленіе было раскрыто,—тамъ оказались раскольничьи письма, книги тайныхъ монастырскихъ типографій, картины, изображающія императора

Петра въ видѣ апокалиптическаго звѣря объ осьми головахъ, а кругомъ его змѣи, ящерицы, жабы и разные гады въ нѣмецкихъ камзолахъ.

— Такъ вотъ онъ каковъ!— Аввакумъ-то! вырвалось невольное восклицаніе у Михайла Васильева, — а я, слѣпой и глупый мужикъ, до сихъ поръ и въ сумнѣніе не приходилъ о немъ!... На глазахъ у меня раскольникъ дѣйствуетъ во вредъ императора и строитъ ковы кунно со всѣми злодѣями, коихъ нынѣ казнятъ и предаютъ анаоемѣ!—а я подаю ему руку, зову его пріятелемъ, разсказываю ему все!... О, слѣпота! погибшій я человѣкъ, если враги мои истолкуютъ это во вредъ мнѣ... Теперь нѣтъ сумнѣнія, что Петръ не обманулся, увидѣвъ Аввакума—это онъ подметывалъ письма къ галанскому царскому домику... Что это?... вотъ и списокъ этой анаоемы!... Подъ руку Михайла Васильева попался листъ бумаги съ грубо-напечатаннымъ съ доски текстомъ. На верху стояло крупно: „Анаоема, анаоема, анаоема!“ Пришедшему въ міръ во образѣ благочестиваго царя, Петру, всѣмъ его слугамъ-діаволамъ, щерящимъ поганыя насти свои, полныя злобы и мерзости, на древлее благочестіе. Почто тщитеся, о дѣти веельзевуловы, нечистымъ жаломъ своимъ, произнося имя Божіе, буесловно проклинать истинныхъ слугъ Божіихъ“...

Далѣе Михайло Васильевъ не могъ читать, въ глазахъ его зарябило, а бумага вывалилась изъ рукъ его...

— Что теперь дѣлать? куда пойти? спрашивалъ себя Васильевъ въ ужасѣ,—объявить *„слово и дѣло государево“*, сдать котомку въ тайную канцелярію... Да, да, нечего больше дѣлать, я раскрою ихъ гнусные замыслы, я не дамъ имъ издѣваться надъ императоромъ...

Въ это время вошелъ въ лавку Петръ, Михайло Васильевъ вздрогнулъ.

— Михайло Василичъ, я прослѣдилъ Аввакума, я шелъ все время сзади его, онъ не видѣлъ меня... Вѣдаешь ли, гдѣ скрылся онъ?... въ усадьбѣ боярина Кравцова!...

— Какъ! у боярина Кравцова, вѣрнаго слуги государева! воскликнулъ Васильевъ,—да ты, Петръ, не ошибся ли?

— Нѣтъ, Михайло Василичъ, не ошибся .. а это что? И Петръ указалъ на выложенныя изъ котомки книги и бумаги.

— Охъ, братъ, Петръ, ты не обманулся! — Аввакумъ—раскольникъ, подметчикъ, это его котомка! Тутъ я нашелъ всѣ улики противъ него — надо объявлять *слово и дѣло*...

Васильевъ показалъ Петру бумаги и печатную анаѳему.

— Страшное дѣло, Михайло Васильичъ... пора лавку запирать, возьмемъ котомку домой, а завтра и объявимъ...

„Слово и дѣло государево“.

Въ страшной тревогѣ вышелъ Аввакумъ изъ книжной лавочки и скорымъ шагомъ направился къ усадьбѣ Кравцова. Онъ боялся быть схваченнымъ тотчасъ же и потому старался скрыться во что бы то ни стало и предупредить боярина о томъ, что его замѣтили и подозрѣваютъ уже.

Въ испугѣ Аввакумъ даже забылъ свою котомку въ лавкѣ, котомку уже совсѣмъ уложенную для отъѣзда, гдѣ хранились письма ко многимъ раскольничьимъ скитамъ и пустынямъ. Только уже далеко отойдя отъ лавки, Аввакумъ вдругъ спохватился котомки и съ ужасомъ замѣтилъ ея отсутствіе. Первою мыслію его было — бѣжать назадъ и выручить эту страшную улику изъ рукъ

враговъ, но вскорѣ онъ опомнился и сообразилъ, что это значитъ и самому отдаться въ руки антихристовы.

Онъ почти изо всей силы побѣжалъ къ усадьбѣ...

— Пропало!... все пропало!... попался я, окаянный, да и другихъ въ бѣду ввелъ... О, горе мнѣ! горе ревнителямъ древляго благочестія!

Неистово постучался Аввакумъ въ крѣпкую калитку воротъ и прямо побѣжалъ къ боярину сообщить о несчастіи.

— Боринъ, боринъ! Горе намъ!... Мишка-книжникъ разузналъ наши дѣла... Его подручный видѣлъ меня въ Троицынъ день, когда я подметывалъ анаѳему... Въ превѣльномъ страхѣ побѣжалъ я изъ лавки и позабылъ тамъ свою котомку, коя всѣхъ насъ погубитъ.

Боринъ Кравцовъ упалъ въ ужасѣ на стулъ, поблѣднѣвъ при этомъ и схватясь руками за голову.

— Неужто и письма наши всѣ, и книги, и картины попались вмѣстѣ съ котомкой?... спросилъ Кравцовъ.

— Все, все!... Уложено было совсѣмъ на отъѣздъ, только бы заутра рано выѣхать.

— Погибли мы! погибли!... Охъ! стоналъ Кравцовъ, — мнѣ-то что будетъ?... Тамъ, вѣдь, и я помянутъ!... для меня и казни не придумаютъ...

Аввакумъ упалъ на колѣни.

— Прости... каюсь!... по неразумію!... съ презѣльнаго страха!... зарыдалъ онъ....

— Ну, горевать некогда! воскликнулъ бояринъ, — надо какъ-нибудь вывертываться, коли Богъ попустилъ...

Черезъ пять минутъ на усадьбѣ началась страшная бѣготня и тревога.

Что-то рубили, въ саду запылалъ костеръ, посыпались въ огонь книги, иконы; входъ въ подполицу, гдѣ была моленная, зарывали землею и утаптывали, чтобы незамѣтно было его... Снаряжались подводы.

— Спасайся, братія, наутро можетъ и команды придутъ! слышался голосъ Кравцова... Тутъ же рѣшено было и средство уничтожить уличающую ихъ всѣхъ котомку, если она еще не представлена въ полицію, — въ эту же ночь одновременно поджечь и домъ Михайла Васильева, и лавку въ „гостинъ-дворѣ“. Осталась ли котомка въ лавкѣ, или взята Михайломъ домой, — она должна сгорѣть, а вмѣстѣ съ нею и обличительные документы противъ множества монастырей и разнаго чина лицъ.

— Все одно на плаху идти, говорилъ Аввакумъ, — а я выкраду котомку или зарѣжу Мишку-книжника!...

Въ эту же ночь въ небольшой свѣтличкѣ Михайла Васильева происходилъ разговоръ между нимъ и его

подручнымъ, Петромъ. Они спорили, кому представлять котомку въ тайную канцелярію и получить, въ качествѣ доносчика, „*первый кнутъ*“, а потомъ чуть-ли не годы волочиться по тюрьмамъ и острогамъ, теряѣть очныя ставки и проч.

— Михайло Васильичъ, увѣрялъ Петръ лавочника, — ты только припомятуй, что ты семейный человѣкъ, жена молодая, сынишко маленькій — на кого ты ихъ спокинешь?... А я одинокій бобыль, голь, какъ соколъ, обо мнѣ никто не заплачетъ... мнѣ въ самый разъ волочиться по острогамъ.

— Петръ, братъ мой! спасибо тебѣ! только вѣдь не надолго и я останусь на свободѣ — какъ только разыщутъ злодѣевъ, такъ и меня потянутъ на очныя ставки съ Аввакумомъ, за что же тебѣ...

— Нѣтъ, Михайло Васильичъ, это еще когда будетъ! — ты въ то время устрой жену и робенка, въ Москву ихъ пошли, а то что съ ними будетъ теперь?... Вѣдь завтра же быть тебѣ въ казематѣ!... не спокидай ихъ!... Я объявлю *слово и дѣло* и представлю котомку...

Михайло колебался согласиться на великодушное предложеніе подручнаго, тотъ уговаривалъ его, побуждаемый своимъ честнымъ русскимъ сердцемъ и жалостью къ семейству Васильева, которое онъ любилъ.

Вдругъ въ это время на ближней гауптвахтѣ заба-

рабанили тревогу и зазвонили въ колоколъ, а на улицѣ раздались крики: пожаръ! пожаръ!

Наши собесѣдники прислушались; за окнами поднялся шумъ и грохотъ колесъ; Михайло Васильевъ взялъ шапку и вышелъ изъ дому, за нимъ послѣдовалъ и Петръ. Но каковъ же былъ испугъ Васильева, когда онъ увидѣлъ, что всѣ бѣжали къ гостинъ-двору, откуда поднимались клубы краснаго освѣщеннаго огнемъ дыма.

— Батюшки! глядп, Петръ, да никакъ это гостинъ-дворъ горитъ? воскликнулъ Васильевъ.

— Онъ и есть! онъ горитъ! подтвердилъ Петръ, и оба побѣжали къ мѣсту пожара.

На прешпективѣ былъ шумъ, крикъ и грохотъ, люди бѣгали взадъ и впередъ; кто съ багромъ, кто съ топоромъ спѣшили къ пожару; вотъ прогрохотала по камнямъ мостовой водокачалка изъ Адмиралтейства, которую везли матросы, припрягшись къ ней со всѣхъ сторонъ.

Добѣжавъ до мѣста пожара, Михайло Васильевъ и Петръ увидѣли, что горитъ сосѣдняя съ книжною лавка, но пожаръ уже почти прекращенъ подоспѣвшими людьми, благодаря близости рѣчки Мьи (нынѣшней Мойки), откуда ведрами таскали воду и залили начинавшійся огонь. Почти всѣмъ прибѣжавшимъ на по-

жаръ, а также и водокачалкѣ, пришлось возвращаться назадъ.

— Неладное дѣло! толковали въ народѣ, — слышно — лавку-то подожгли.

— Какой-то сторожъ видѣлъ, какъ поджигатель бѣжалъ, онъ крикнулъ, чтобы ловили, да злодѣй скрылся.

— Вотъ-то проклятый денекъ! говорилъ Михайло Васильевъ, возвращаясь домой... Но вдругъ раздались новые крики: пожаръ! и вся масса народа бросилась въ противоположную сторону отъ гостинъ-двора.

— Нашъ домъ горитъ, Михайло Васильичъ! крикнулъ Петръ.

— Неужто!... Господи!... Бѣжимъ, Петръ, скорѣй! заговорилъ не своимъ голосомъ Васильевъ и, сбивая съ ногъ попадавшихся на дорогѣ, помчался домой... Сердце его сжалось страхомъ за свою семью, которую онъ оставилъ спящею...

Первыми добѣжали они до дому и вскочили въ калитку. Дымъ подымался отъ задняго флигелька.

— Петруша, голубчикъ! бѣги туда... я сейчасъ! задыхаясь, говорилъ Васильевъ и самъ бросился въ комнатку, гдѣ спала его жена съ маленькимъ сыномъ.

— Господи! благодарю Тебя! воскликнулъ онъ съ облегченнымъ сердцемъ, увидя, что семья его цѣла и покуда внѣ опасности.

— Тамъ зальютъ, сюда не дойдетъ, мелькнуло въ головѣ его.

На встрѣчу ему выбѣжала Авдотья съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Миша! горимъ!... Гдѣ ты былъ, желанный?

— Не бойся, Дунюшка! куда ты?... Флигелекъ загорѣлся—сюда не дойдетъ... Пойди, родная, опять въ свѣтелку, да уйми Гришуху... Ничего, Богъ милостивъ, береги добро—растащутъ!... Гостинъ-дворъ горѣлъ — и тамъ былъ, уговаривалъ жену Михайло, и она снова ушла въ комнатку, утѣшая сына, а Васильевъ пошелъ отворять ворота стучавшемуся народу. Небольшой дворикъ мигомъ наполнился народомъ; флигелекъ начали растаскивать по доскамъ, и огонь прекратился, не перейдя на сосѣднія свѣтлицы, гдѣ жилъ самъ Михайло Васильевъ.

Дрожа отъ страха и прислушиваясь къ шуму и крику на дворѣ, сидѣла на постели совсѣмъ одѣтая Авдотья и держала на рукахъ сынишку, который унялся и началъ засыпать. Глаза ея, полные слезъ, были обращены на освѣщенный лампадою образъ; она шептала всѣ, какія знала, молитвы, прося Бога отвратить отъ нихъ бѣду...

А на дворѣ и на улицѣ слышался крикъ; что-то ломали, трещали доски...

— Эка бѣда, эко наказаніе Божіе! хорошо, что въ флигелькѣ-то ничего путнаго не было, думала Авдотья, — и отчего бы это, кажись, загорѣться, флигельку? — съ недѣлю ужь и не ходили туда!... Ужь не ворожи ли злые подшалили? да кому?... Миша мой смирный, никого не обижаетъ... Скученъ сталъ что-то онъ!... Охъ, недоброе чуетъ мое сердечушко!... Быть бѣдѣ, быть горю лютому!... И глаза Авдотьи снова обратились на икону съ мольбою...

Суета на дворѣ почти прекратилась, дворъ опустѣлъ и лишь кое-кто еще заливалъ тлѣющія доски. Петръ распоряжался всѣмъ, а Михайло снова пошелъ къ женѣ утѣшить и успокоить ее.

— Это Аввакумъ, это раскольники! думалъ Михайло Васильевъ, — это ихъ рукъ дѣло, въ отместку хотѣли сжечь меня, а зачѣмъ же имъ требовалось поджечь и гостинъ-дворъ?... Но тутъ мысль о котомкѣ сразу освѣтила для него всю эту исторію.

— А! такъ не хотѣли ли еретики вмѣстѣ съ домомъ котомку сжечь! воскликнулъ Михайло и кинулся въ свою свѣтлицу, находившуюся рядомъ съ жениной и запертую имъ на замокъ при выходѣ на пожаръ въ гостинъ-дворѣ. Замокъ цѣлъ — значитъ и котомка и цѣла... Слава Богу!

Васильевъ отперъ свою комнату, вошелъ въ нее

и нашелъ все въ порядкѣ; предательская котомка лежала подъ столомъ...

— Тутъ!... не уйдете теперь, еретики! богохульники проклятые! разсуждалъ про-себя Васильевъ, запирая за собою дверь на задвижку.

Въ его чувствахъ произошелъ переворотъ: страха передъ мытарствами суда и тайной канцеляріей, который мучилъ его еще за два часа до этихъ пожаровъ,—не осталось и слѣда! Его мѣсто заняла злоба на враговъ царя, простершихъ свою дерзость слишкомъ далеко, дошедшихъ до крайняго предѣла озлобленія. Только одно еще мучило его — это участь семьи: покуда онъ выхлопочетъ, чтобы ее обезпечили или отправили въ Москву, гдѣ жили всѣ его и женины родные, до тѣхъ поръ онѣ натерпятся горя въ чужомъ городѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ...

Тяжело было на душѣ Михайла Васильева; онъ сѣлъ на стулъ, усталый душою и тѣломъ ото всѣхъ волненій и суеты этого „*проклятаго*“, какъ онъ назвалъ, дня.

Въ тишинѣ комнаты слышенъ былъ удаляющійся и утихающій уличный шумъ. Народъ, возбужденный двумя пожарами, расходился, громко толкуя о происшествіяхъ и поджигателяхъ, будто бы пойманныхъ...

У гостинъ-двора ходили и перекликались сторожа,

заглядывая въ потухшія мѣста бывшаго пожара — нѣтъ ли тамъ искры.

Петръ заперъ наконецъ ворота Михайлова домика и началъ окончательно разсматривать горѣвшій флигелекъ, чтобы убѣдиться, что все потухло. Въ его головѣ тоже сложилось твердое убѣжденіе, что оба эти пожара — дѣло раскольничьихъ рукъ, старавшихся сжечь котомку съ уликами противъ нихъ.

Осматривая флигель съ задней стороны, именно съ той, откуда можно было подойти къ нему, минуя дворъ, и откуда начался пожаръ, Петръ вдругъ увидѣлъ на землѣ куски пропитанной смолою пакли, очевидно служившей для поджога.

— Такъ и есть! подожгли, анаѳемы! сказалъ Петръ, подбирая паклю,—ужь не Аввакумъ ли это орудуетъ?... Жаль, что не удалось поймать поджигателей... ну да ничего, коли это дѣло *ихъ* рукъ, такъ отплатимъ имъ, столь жестоко отплатимъ, что вѣкъ не забудутъ!... благо котомка у насъ!...

Съ кусками пакли воротился Петръ въ свѣтелку Михайлы; начинало уже разсвѣтать, когда они оба, потрясенные событіями, заснули, какъ убитые, тщательно и крѣпко заперевъ и загородивъ все кругомъ...

А виновники всей этой сумятицы, раскольники, въ неменьшемъ страхѣ и смущеніи, убѣгали изъ Петер-

бурга въ глубь Россіи, думая скрыться отъ обрушившейся на нихъ бѣды. Аввакумъ, какъ знающій расположеніе лавки въ гостинъ-дворѣ и дома Михайла Васильева, руководилъ поджогами. Благодаря небрежности сторожей около гостинъ-двора, имъ удалось подложить факли съ задней стороны лавки, но второпяхъ Аввакумъ ошибся и подложилъ не къ книжной лавкѣ.

Когда началась суета, Аввакумъ хотѣлъ, подъ видомъ тушенія, забраться въ лавку и выкрасть котомку, если она тамъ, но къ досадѣ своей увидѣлъ, что загорѣлась не та лавка, а сосѣдняя. Пожару не дали разростись, и злодѣй-раскольникъ, проклиная себя за ошибку, потерялъ почти всякую надежду выручить роковую котомку. Оставалось еще раздѣлаться съ ненавистнымъ Михайломъ-книжникомъ. Зажечь домъ съ улицы не было возможности по причинѣ большого многолюдства на ней, а сзади была пристроечка, которая и спасла самый домъ, ставъ жертвою пламени...

Видя неудачу и тамъ, и тутъ, Аввакумъ съ страшными проклятіями поспѣшилъ скрыться изъ Петербурга въ ту же ночь, покуда не были предупреждены и поставлены на ноги всѣ заставы и караулы при выѣздахъ изъ города.

Пріютъ раскольниковъ въ Петербургѣ былъ раз-

громленъ, и усадьба Кравцова стояла среди лѣса совершенно пустая. Что было можно увезти—увезено, остальное сожжено, и костеръ дымился еще въ саду, а входъ въ моленную былъ тщательно засыпанъ и сравненъ съ землей, такъ что догадаться о ея существованіи было очень трудно...

Въ Петербургѣ осталось только двое замѣшанныхъ въ это, пахнущее кровью, дѣло—Михайло Васильевъ да Петръ...

Едва началась дневная жизнь въ городѣ, какъ Петръ уже дожидался въ крѣпости коменданта, держа злополучную котомку и желая объявить страшное „*слово и дѣло государево!*“ Впечатлѣніе этихъ однихъ словъ даже на постороняго человѣка было такъ страшно, что отъ Петра, какъ отъ зачумленнаго, сторонились служащіе въ канцеляріи коменданта.

Долго ждать Петру не пришлось, вышелъ комендантъ и хотѣлъ снять допросъ тутъ же, но Петръ объявилъ:

— Желаю тайнаго допроса по важному дѣлу объ оскорбленіи превысокой персоны императора и святѣйшаго синода...

Изумленный комендантъ увелъ Петра, а остававшіеся въ канцеляріи проводили его взглядами сожалѣнія...

Съ лихорадочной поспѣшностью пошла переписка, вызванная этимъ новымъ дѣломъ; поскакали курьеры и полетѣли эстафеты.

Петра заковали въ колодки и этапомъ отправили въ Москву, въ тайную канцелярію, къ Андрею Ивановичу Ушакову, едва освободившемуся отъ кровавой работы по Левинскому дѣлу.

Роковая котомка была разобрана по листочку и обнаружила такое количество замѣшанныхъ лицъ, что даже тайная канцелярія пришла въ удивленіе. Начались дѣятельные розыски и аресты.

Два монастыря были оцѣплены войсками и, послѣ „выемки" и ареста настоятелей, оставлены въ осадномъ положеніи для воспрепятствованія въ сношеніяхъ монаховъ съ окрестными жителями; службы прекратились.

Нѣсколько раскольничьихъ скитовъ было арестовано *вполнѣ* до одного человѣка и всѣ эти несчастные въ колодкахъ отвезены въ Москву для допросовъ.

Недоставало только двухъ главныхъ — Аввакума и Кравцова, которые пропали,—точно въ воду канули. До розысканія ихъ дѣло немного пріостановилось, а въ это время Михайло Васильевъ снарядилъ свое семейство для отъѣзда въ Москву къ родителямъ. Великодушіе Петра спасло его отъ бѣды, и онъ уже

со спокойнымъ сердцемъ ждалъ, когда ему, въ качествѣ свидѣтеля, придется ѣхать въ колодкахъ въ ту же Москву.

Добрѣйшій „Петра Карлычъ, грыдорованный мастеръ“ зашелъ въ это время въ лавку, и Михайло Васильевъ откровенно разсказалъ ему все дѣло, заварившееся между ними и раскольниками.

Голландецъ вздыхалъ, удивлялся и хвалилъ Васильева, обѣщая, въ случаѣ нужды, ходатайствовать передъ императоромъ за него.

— О, я снай, ты шестный шеловѣкъ, любишь своя жена! я скажу Питеру — императору, утѣшалъ Никардъ,—онъ тебе паградитъ...

— Не до награды, Петра Карлычъ, только бы шкуру унести.

— Шкура унести! ха, ха, ха! шкура унести! — эта карашо, смѣялся Пикардъ, уходя изъ лавки, — не бойся!

Наконецъ Аввакумъ былъ пойманъ гдѣ-то въ глубинѣ Россіи, уже подъ другимъ именемъ, и закованный, закоренѣлый раскольникъ былъ доставленъ въ Москву. Сначала онъ во всемъ запирался; его вздернули на дыбу, и подъ ударами воловьей плети, на очной ставкѣ съ Петромъ, онъ разразился прокля-

тіями и обвинилъ и Петра, и Михайла Васильева въ соучастіи.

Тотчасъ же въ Петербургъ полетѣлъ приставъ за лавочникомъ, и Васильевъ дождался наконецъ своихъ колодокъ. Но уже спокойно ѣхалъ онъ на допросъ. вѣря въ свою правоту, зная, что его семейство пристроено и внѣ опасности. На очной ставкѣ съ Михайломъ Васильевымъ Аввакумъ бѣшено набросился было на него, но раскольника удержали заплечные мастера.

Васильевъ съ жаромъ отвергалъ навѣты раскольника, разсказалъ, какъ все было, и покаялся въ своей долгой непроницательности и заблужденіи относительно Аввакума. Подозрительные судьи тайной канцеляріи не дали особенной вѣры этому заблужденію и искали новыхъ доказательствъ противъ Михайлы. Онъ былъ изъ застѣнка отведенъ въ казематъ. Замѣчательная черта прежняго судопроизводства! — всѣ усилія судей клонились къ тому, чтобы собрать какъ можно больше *обвиненій* противъ всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣло. Все, что клонилось къ *оправданію* — было на второмъ планѣ. Несмотря на свидѣтельство самого доказчика, Петра, и всѣ доказательства, Михайло Васильевъ былъ заподозрѣнъ въ сокрытіи раскольника, и дѣло его приняло худой оборотъ.

Васильевъ упалъ духомъ и черезъ одного сердобольнаго караульнаго передалъ письмо къ своей женѣ. прося переслать вѣсточку въ Петербургъ Никарду о своемъ положеніи.

Добрый Никардъ встревожился, узнавъ объ опасности, въ какой находится Михайло Васильевъ; но сколько онъ ни просилъ всѣхъ знакомыхъ ему вельможъ, однако ничего подѣлать не могъ, и ему даже посовѣтовали не вмѣшиваться въ эти дѣла.

Разсерженный „грыдорованный мастеръ" рѣшился написать самому царю, прося его заступничества за вѣрнѣйшаго изъ своихъ слугъ отъ излишняго усердія судей-тайной канцеляріи.

Петръ Великій вытребовалъ справку отъ тайной канцеляріи и. разсмотрѣвъ дѣло. повелѣлъ освободить Васильева и Петра и выдать послѣднему за его „правое доношеніе" *триста рублевъ* и, по примѣру посадскаго человѣка Ѳедора Каменьщикова, донесшаго на Левина, право торговать по всей Россіи безданно-безпошлинно.

Допросы раскольниковъ повелѣно было ускорить и все дѣло привести къ концу скорѣе, учинивъ рѣшеніе *безо всякой пощады* для злодѣевъ.

Свободной грудью вздохнулъ Михайло Васильевъ, освободясь изъ застѣнковъ тайной канцеляріи, и со

слезами радости былъ онъ встрѣченъ семействомъ, которое уже считало его погибшимъ.

Благодаря участію Пикарда, Васильевъ не затерялся въ непроходимомъ лабиринтѣ канцелярскаго дѣлопроизводства и не былъ *забытъ*, какъ множество подобныхъ ему, и честный парень горячо молилъ Бога за царя, разрубившаго гордіевъ узелъ его несчастія.

Онъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, чтобы поблагодарить добраго Петера Пикарда и попроситься въ отставку, сдавши всѣ дѣла по книжной лавочкѣ.

Онъ мечталъ снова поселиться въ Москвѣ вмѣстѣ со своимъ семействомъ и заняться ремесломъ, открывъ свою мастерскую; съ Петромъ онъ побратался, помѣнявшись крестами, и отнынѣ его подручный сталъ членомъ его семьи. Жизнь спокойная и трудовая сулила ему впереди тихое счастье честнаго человѣка, и сердце Михайла Васильева успокоилось на этой мечтѣ.

— Слава Богу Всевышнему, шепталъ Васильевъ со слезами на глазахъ,—все устроилось по Его святой правдѣ! Только бы вотъ кончить съ дѣлами по лавочкѣ.

Была уже зима; наступилъ декабрь мѣсяцъ. По

пріѣздѣ въ Петербургъ Михайло Васильевъ нашелъ дѣла лавки еще болѣе запутанными.

Онъ началъ приводить ихъ въ порядокъ, дѣлать смѣты за всѣ восемь лѣтъ, но приходилъ въ отчаяніе при видѣ огромныхъ недочетовъ, которые онъ не могъ оправдать никакими документами.

Всѣ его отчетныя книги за прежніе года погибли въ наводненіе 1721 года. Однако онъ надѣялся какъ-нибудь оправдаться, а мысль о поселеніи навсегда въ Москвѣ розовой зарей освѣщала его будущее. Онъ готовъ былъ сдѣлать всѣ усилія, чтобы покончить съ полнымъ хлопотъ и огорченій *настоящимъ* и начать то *будущее*, что тянуло его къ себѣ неотразимо, заставляло биться радостною надеждою его изболѣвшееся сердце...

Но онъ и не подозрѣвалъ кляузной тучи, собиравшейся надъ его головою и вдругъ неожиданно разразившейся, исковеркавъ и разрушивъ всѣ его мечты о счастливой жизни въ Москвѣ.

Однажды, когда онъ сидѣлъ и мечталъ, въ лавку вошелъ приставъ съ понятыми и, важно остановившись предъ Михайломъ Васильевымъ, медленно вытащилъ изъ сумки бумагу.

Сердце Васильева упало и заныло передъ новою бѣдою.

— „По указу правительствующаго сената, началъ читать приставъ, — свѣдавшаго по доношенію достовѣрныхъ людей, яко бы приставленный къ продажѣ книгъ въ его, сената, книжной лавкѣ оружейный мастеровой Мишка Васильевъ корыстно растратилъ ввѣренную ему казну, а уличающія его книги съ записями уничтожилъ, — повелѣвается произвести въ означенной лавкѣ учетъ. И буде окажется недочеты онъ, Мишка, не докажетъ бумагами, то, забивъ въ колодки, доставить его, Мишку, въ сенатскія каморы для допроса и разслѣдованія съ экзекуціею.“

Михайло Васильевъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, при чтеніи этого указа, и слезы мучительно сдавили ему горло...

Новый и какой позорный для него ударъ!...

Когда приставъ кончилъ чтеніе, Михайло Васильевъ не могъ удержаться и зарыдалъ...

— Видитъ Богъ!... копѣйкой отъ царской казны не покорыстовался! простоналъ онъ, — облыжно!... враги обнесли!...

— Не намъ судить, отвѣтилъ приставъ,—мы приставлены исполнять приказанія, — а тамъ начальство разсудитъ... Давай-ка книги записныя, счета и все,— будемъ свѣрять лавку.

Михайло Васильевъ отдалъ всѣ ключи и книги и

дѣлалъ всѣ нужныя указанія приставу, помогая въ работѣ. Всю лавку перерыли и пересчитали, а потомъ заперли и запечатали. Начали считать кладовыя и тоже опечатали. А когда свели счеты, то оказался недочетъ въ 4,917 рублей 7 алтынъ и 1 денгу... Михайло Васильевъ не могъ доставить приставу документовъ на этотъ недочетъ, и его, согласно предписанію, арестовали и посадили въ казематъ при сенатѣ...

Напрасно онъ писалъ „слезныя прошенія“ въ сенатъ, ссылаясь на наводненіе, уничтожившее его книги, на забиранія вельможъ изъ его лавки книгъ безъ денегъ и безъ росписокъ—его не выпускали изъ-подъ ареста и взяли въ казну его домишко, построенный имъ при переѣздѣ въ Петербургъ восемь лѣтъ тому назадъ.

Неожиданно стряслась надъ Михайломъ Васильевымъ чернильная бѣда и въ прахъ изломала его мечты...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заключеніе.

Тяуза недоброжелателей оказалась горше кроваваго раскольничьяго дѣла для Михайла Васильева. Изъ этого чернильнаго поганаго и мертваго моря доносовъ его не спасли ни заступничество друзей, ничто.

Онъ просидѣлъ въ казематахъ сената ровно *три года*, вплоть до горестнаго дня кончины обожаемаго имъ императора Петра Великаго 26-го января 1725 г., когда была объявлена амнистія находившимся въ острогахъ колодникамъ. Сидя подъ арестомъ, Михайло Васильевъ услышалъ, что затѣянное имъ дѣло о раскольникахъ кончилось трагически для нихъ: Аввакума, послѣ жестокихъ пытокъ, колесовали, а трупъ его сожгли; многимъ вырвали ноздри и, заклеймивъ,

сослали въ каторгу; многихъ жестоко били плетьми, нѣсколько раскольничьихъ скитовъ сожгли, а братію разогнали; Кравцовъ точно сквозь землю провалился.

Михайло вышелъ изъ каземата, но его уже не радовала свобода...

Не было на свѣтѣ императора, страстно имъ любимаго, не было домашняго очага, ибо жена его умерла, оставивъ въ Москвѣ ребенка на попеченіе Петра, къ которому и отправился Михайло Васильевъ съ разбитымъ сердцемъ и разстроеннымъ здоровьемъ... Книжная лавочка тоже прекратила свое существованіе навсегда... Тяжкое колесо слѣпой судьбы прошло по этимъ людямъ и раздавило и правыхъ, и виноватыхъ...

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. Ѳ. ѲЕДОРОВА (сына)
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Б. Садовая, 16.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА:

Простые люди. Разсказъ изъ жизни нашихъ ремесленниковъ. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Ц. 20 коп.

Аникинъ родникъ. Разсказъ изъ деревенскаго быта. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Ц. 20 коп.

Печальникъ земли русской. Разсказъ изъ временъ Іоанна Грознаго. А. Догановичъ. Ц. 20 коп.

Въ гостяхъ. Очеркъ изъ малороссійской жизни. А. Круглова. Ц. 20 коп.

Елка въ царствѣ звѣрей. Разсказъ А. Круглова, и **Ночь на Рождество въ селѣ.** Разсказъ въ стихахъ А. О. Иванова-Классика. Ц. 5 коп.

Ночь на Рождество. Разсказъ Н. Соловьева-Несмѣлова, и **Капля крови.** Разсказъ въ стихахъ А. О. Иванова-Классика. Ц. 10 коп.

Воевода на Олонцѣ. Историческій разсказъ А. В. Арсеньева. Ц. 10 коп.

Первая книжная лавочка въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ. Разсказъ изъ темнаго времени бо[illegible] по вѣру въ Руси. *А. В. Арсеньева.* Ц. 30 коп.

ВСѢ КНИЖКИ ИЗДАНЫ ИЗЯЩНО, СЪ КАРТИНКАМИ.

Кромѣ того изданы небольшими, изящными томиками разсказы *А. З. Круглова*, рисующіе жизнь и нравы провинціи.

Господа земцы. Провинціальныя картинки. Ц. 60 коп.

Лѣсные люди (Зыряне). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 75 коп.

Провинціальные корреспонденты. Повѣсть изъ губернской жизни. Ц. 60 коп.

БРОШЮРЫ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„О ЕЖИѢ.—О СРАМОСЛОВІИ.—СЛОВО РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.—ДАВНЫ ДѢЛА ТВОЯ, ГОСПОДИ“. Ц. 8 коп.

„УЧЕНЬЕ—СВѢТЪ, А НЕУЧЕНЬЕ—ТЬМА“. Разсказъ. Ц. 6 коп.

„ПЕЙ, ДА НЕ УПИВАЙСЯ, ПЕЙ, ДА НЕ ОПОХМѢЛЯЙСЯ.—ПОЛЬЗА ВОДКИ, ВРЕДЪ ОТЪ ПЬЯНСТВА И ЛѢЧЕНІЕ ОТЪ ЗАПОЯ. Ц. 6 коп.

Школамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

Требованія исполняются немедленно.

891.71E3

P.T.

10
И28/48
8274
70к
Ленокогиз
МАГАЗИН № 43
Р. 10 к.
12

ЩБ
3
А
85-П.